



Арина Арская

Измена. Право на сына

<https://litres.ru/74294217>

Аннотация

— Не трогай меня, — толкаю его в грудь, но он не выпускает меня из стальной хватки. — Я тебе сказал, — шипит в лицо, — не дури. Успокойся и поговорим. Как взрослые и адекватные люди. — Адекватные? — шепчу я и повышаю голос. — Ты с моей сестрой спишь! С родной сестрой! — опять толкаю его в грудь, захлебываясь в ужасе и отвращении к Макару. — Как долго?! — Две недели, — раздается надменный голос Жанны. — Сгинь, дрянь такая! — в ярости гаркает Макар. — Или я тебе шею, мразь, сверну!

Содержание

Глава 1. Ты не мог так со мной поступить	5
Глава 2. Если ты и уйдешь, то без нашего сына	10
Глава 3. Просто прелесть, какая ты дура	15
Глава 4. Пора взрослеть	20
Глава 5. Ты тоже никому не нравишься	25
Глава 6. Мерзко!	30
Глава 7. Это разговор не для ушей Артема	35
Глава 8. К столу, дорогие гости	40
Глава 9. А я хочу пирожных	46
Глава 10. Это твоя ошибка	52
Глава 11. Быть сволочью	56
Глава 12. Пирожное — это святое	60
Глава 13. Моветон	64
Глава 14. Только не ори	68
Глава 15. Любовь зла?	72
Глава 16. Милый зайчик	76
Глава 17. Теперь ты кто?	81
Глава 18. Спектакль	85
Глава 19. Оладушки любишь?	89
Глава 20. Будем дружить	93
Глава 21. Наша новая няня	97
Глава 22. Я не хочу вас нанимать	101
Глава 23. Разве я так смогу?	106

Глава 24. Кто бы это мог быть?	111
Глава 25. Провокации	116
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Глава 1. Ты не мог так со мной поступить

Макар целует Жанну. Он ее крепко обнимает, прижимает к себе и целует с каким-то надрывом и отчаянием, а я стою на пороге кухни босая, растрепанная и с пустой бутылочкой в руках. В воздухе пахнет ванилью и корицей. Жанна с тихим мычанием и недвусмысленно трется о его пах.

Шесть тридцать утра. Я спала около трех часов. У Артема — колики, а у меня — бессонные ночи. Поэтому до меня туго доходит, что я сейчас вижу. Вздрагиваю, когда бутылочка приземляется на пол со стуком и катится к столу.

Какие у Жанны большие глаза сейчас. На пол лица. Она взвизгивает, прячется за Макаром, который хмурится, а в аромат ванили и корицы вплетается горькая гарь. Оладушки на сковороде подгорают.

Жанна — моя сестра. На три года старше. Мы приютили ее на пару месяцев после ее разрыва с очередным мужчиной. Каким-то дерзким байкером, который поднял на нее руку, забрал деньги и укатил с друзьями в закат. Макар был против тогда, а я его уговорила, потому что “мы семья, мы должны ей помочь”. Какая я дура.

— Оладушки горят, — едва слышно говорю я и отступаю. Жанна хватает сковороду, ойкает и с грохотом ее роняет.

Подгоревшие олады отлетают в сторону.

— Уля, — Макар делает ко мне шаг, — не дури.

— Она же моя сестра, — сипло отвечаю я.

Хотя какая разница. Сестра или нет.

— Я его люблю, — шепчет Жанна. — Уля... Так случилось... Я влюбилась...

— Замолчи, — рычит Макар на нее.

Мозг не желает воспринимать реальность. Я так устала за последнюю неделю, что у меня уже руки трясутся и зрение подводит. Часть моей жизни сейчас — размытые пятна, среди которых вспыхнул четкой картинкой откровенный и жадный поцелуй. Пока без эмоционального всплеска. Истощенная нервная система тормозит и не может переключиться с беспокойства о сыне на мужа, который, похоже, изменяет мне с моей сестрой.

— Уля, — Жанна слабо улыбается.

Так эти разговоры о том, что мне невероятно повезло с мужем, и вопросы, как мне удалось подцепить на крючок такого мужика, были завистью? Сквозь туман шока проступают улыбки Жанны, ее кокетливый смех, ее восторг и комплименты в сторону Макара. Так она шарахалась по дому в коротких шортах, маечках на голую грудь не по причине, что она безалаберная?

— Не делай такие круглые глаза, — неожиданно говорит Жанна. — Ты себя видела со стороны?

— Ты что такое говоришь? — медленно моргаю я.

— Сгинь, — Макар мрачно и зло смотрит на нее.

— Он тебя не любит, — Жанна выходит вперед, встряхнув волосами. — Это же очевидно, Уля. Ты, что, слепая?

Оглядывается на Макара, который сжимает кулаки и медленно выдыхает:

— Сгинь... Жанна, не доводи до греха.

Я медленно разворачиваюсь и на цыпочках иду прочь из кухни. В груди что-то проклевывается. Острое и ядовитое. Оплетает сердце, пробивается в легкие, и новый вдох обрывается болью. Со стоном прижимаю ладонь к груди, открываю рот, хрипло глотая воздух, и приваливаюсь плечом к стене. В глазах темнеет.

— Уля, — слышу голос Макар, который встряхивает меня за плечи.

Вижу его лицо. Злое и презрительное. Он никогда не был щедр на эмоции, но в нем не было раньше столько гнева, как сейчас.

— Не трогай меня, — толкаю его в грудь, но он не выпускает меня из стальной хватки.

— Я тебе сказал, — шипит в лицо, — не дури. Успокойся и поговорим. Как взрослые и адекватные люди.

— Адекватные? — шепчу я и повышаю голос. — Ты с моей сестрой спишь! С родной сестрой! — опять толкаю его в грудь, захлебываясь в ужасе и отвращении к Макару. — Как долго?!

— Две недели, — раздается надменный голос Жанны.

— Сгинь, дрянь такая! — в ярости гаркает Макар. — Или я тебе шею, мразь, сверну!

— И будь я у него только одна, — Жанна грациозно садится на софу с резными и позолоченными ножками и закидывает ногу на ногу, высокомерно поглядывая в нашу сторону. — И не меня тебе стоит остерегаться, Уля. Он мужик у тебя темпераментный, дикий... А ты после родов, отнекиваешься, не подпускаешь к себе, то голова болит, то устала, то сын... Никто тебя не осуждает, но нормальный мужик не будет спускать в кулак.

— Есть кто-то еще? — голос мой будто принадлежит мышке, которую сдавила мышеловка. — Кто?

— А, знаешь, — Макар выпускает меня и отступает с улыбкой, — да, — разводит руки в стороны и обнажает зубы в оскале, — есть. Да, у меня есть любовница. И да, — с надменной усмешкой оглядывает Жанну и вновь смотрит на меня, — твоя сестра добилась своего. Я тебе говорил, что ей пора на выход?

— У тебя две женщины? — сглатываю кислую слюну.

— И вот любопытно, что скажет твоя Леночка, когда узнает, что ты и с ней гуляешь налево? — Жанна легко смеется. — Твоя отчаянная и запретная любовь? С Улей-то все понятно. Скромная, приличная девочка, которая нужна тебе как инкубатор на ножках, а там же многолетняя любовь, да?

На меня опять наваливается отупение. Еще какая-то Леночка? Что за нелепый и глупый абсурд происходит в моей

жизни?

Со второго этажа доносится приглушенный крик Артема. Требовательный, обиженный и гневный. Проснулся, а мамы рядом нет.

— Ты не мог так со мной поступить, — ползу по стеночке к дверям.

А в глазах Макара ни тени сожаления или стыда. Открылась некрасивая отвратительная правда о нем, но ему меня не жаль. Я не любимая женщина, о которой нужно заботиться и беспокоиться. Я — инкубатор.

— Успокой Тему, — его верхняя губа дергается, — а потом обсудим ситуацию.

Глава 2. Если ты и уйдешь, то без нашего сына

Нельзя брать на руки ребенка, когда ты в панике и ужасе перед будущим и неизвестным. Малыш это почувствует, и весь этот негатив перекинется на него. у кроватки вдыхаю и выдыхаю. Сжимаю и разжимаю кулаки, и с улыбкой подхватываю на руки Тему, который заливается громким плачем. Я хочу разрыдаться вместе с ним, но мне нельзя.

— Милый мой, мама рядом, — укачиваю его на слабых руках. — Тише...

Я не знаю, что предпринять. Сорваться и бежать? Куда? В деревню к старой бабушке, которая нас с Жанной растила и воспитывала? Что я ей скажу и стоит ли ее сейчас пугать тем, что Макар мне изменяет?

Артем тянет футболку, раззевает ротик в крике, и я ловлю себя на мысли, что хочу умереть. Закрыть глаза, провалиться в темноту и исчезнуть, потому что не вывожу. Я думала, что я Золушка, которая случайно встретила Принца, а на деле я оказалась не в сказке.

Укладываю Артема на кровать, сажусь и поглаживаю его животик. Стоило заподозрить неладное, когда Макар неожиданно пригласил меня, младшего менеджера по документообороту, на свидание. Но какие, блин, подозрения, когда я

была в него по уши влюблена и предпочла поверить, что он тоже ко мне неровно дышит? Мы же, девочки, так любим обманываться.

И на этом первом свидании без лишних заигрываний он заявил, что не рассматривает никаких отношений, кроме создания семьи. Я тогда чуть не растаяла лужицей. Красивый, суровый мужик, о котором шепчутся и замужние женщины в нашем офисе, увидел во мне будущую супругу.

— Если хочешь романтики, флирта и крутить легкий роман, то можешь встать и уйти, — так он тогда сказал. — Все это мне неинтересно.

И, конечно же, я не ушла. Я по своему переиначила его слова: я хочу крепкой семьи с тобой. А то, что он был отстраненным, я приняла за черту его непростого характера. Не всем же быть эмоциональными, открытыми и общительными. В конце концов, он серьезный бизнесмен и не пристало ему вести себя, как мальчишке.

За всеми этими воспоминаниями я не замечаю того, как Артем засыпает. Почему у меня ничего не щелкнуло, когда Макар говорил, что ему нужен сын и наследник? Наверное, потому что бабушка не раз твердила, что мужчины всегда ждут мальчиков, ведь они продолжают род. Понимаю, что я оказалась в ловушке, и только по своей вине и глупости.

Бежать надо было от Макара на первом свидании, а не восхищаться его высокими скулами, мрачными глазами и волевым подбородком. С какой готовностью я отвечала на его во-

просы, удивляясь его желанию узнать меня поближе. Дура! Он собеседование проводил на роль покорной тупой и беспомощной жены.

Это не влюбленность толкнула его месяц повозиться со мной и после сыграть свадьбу. Да, он сделал мне предложение по всем правилам: под ночным небом, на одном колене, но я ведь так и не услышала от него “Я люблю тебя”. Спросил, выйду ли я за него и готова ли быть его женой, и мне этого было достаточно, чтобы дофантазировать картинку до желаемого.

Ему была нужна жена, ведь ему уже тридцать пять. И он подошел к браку, как к бизнес-проекту, в котором власть должна быть в его руках. Женщина его уровня из богатой семьи доставила бы ему в случае чего много проблем, а мне не к кому обратиться.

Вот только на днях на свадьбе у одного из его знакомых он был очень недоволен наглостью одной особы, которая посмела ему зубки показать при знакомстве. И вела эта девушка себя так, потому что за ее спиной стоял богатый дядя. И муж с нее пылинки сдувал, ведь она равная ему.

— Да пошел ты! — доносится крик Жанны. — Лене твоей уже летит приветик от меня.

Вздрагиваю от глухого звука удара по стене, и беру заснувшего Тему на руки. Отхожу к окну, крепко прижимая к себе сына.

— Проваливай из моего дома, — от рыка Макара меня

обдаёт волной страха, — пока живая и целая.

Задаюсь вопросом, может ли он решиться на физическое насилие? И заслуживает ли его моя сестра?

— Макар... Я же не со зла... Макар, да к черту их всех... Тебе же было хорошо со мной... Я просто хочу быть с тобой. И только с тобой...

Это не дурость в ней разыгралась, а желание заменить меня, ведь я так круто устроилась под крылом богатого, красивого мужика. Артем на руках недовольно кряхтит сквозь сон, и я силно шепчу:

— Баю-баюшки баю...

— Я тоже могу тебе родить сына...

А вот только недавно говорила, что детей боится и не хочет так рано портить фигуру. Я тогда посмеялась, не уловив в ее словах нехорошего намека, что роды превратили меня в клушу.

— Даю последний шанс. Либо ты своими ногами отсюда выходишь, либо мои ребята тебе помогут, — голос Макара вибрирует угрозой и злобой. — Женщину для роли матери я уже выбрал, для любовницы тоже, а ты лишь недоразумение, хитрое и наглое.

Жанна всхлипывает, и через минуту в комнату входит Макар, затягивая галстук на шее.

— Спит? — спрашивает будничным тоном, будто ничего не произошло.

Я молчу, пусть и хочу кричать. И не оскорблениями ки-

даться в Макара и вопрошать “за что?” и “почему?”, а просто орать, чтобы выпустить из себя отчаяние, которое давит мозги в кашу и не дает собрать мысли в кучу.

— Макар...

— Да, Улиточка? — смотрит на меня прямым черным взглядом. — Я тебя внимательно слушаю.

— Я хочу уйти.

Хмыкает, щурится и тихо говорит:

— Если ты и уйдешь, то без нашего сына.

Глава 3. Просто прелесть, какая ты дура

— Он ведь тебе не нужен, раз ты...

Это было ожидаемо, что он мне с Темой никуда не позволит уйти. Это же его наследник, сын, его кровь и будущее. Упустим из внимания, что подгузники он меняет сыну в очень редкие моменты и берет его на руки, когда тот в хорошем настроении и готов посмеяться над шутливыми гримасами.

— Положи его в кроватку, — тихо приказывает Макар.

— Пусть тебе твои любовницы рожают новых сыновей...

— Я этот разговор не намерен продолжать при Артеме, — зло шурится и переходит на стальной и холодный голос. — Положи его в кроватку, накрой одеялом, поцелуй в лобик и я тебя жду в кабинете. Бежать с Артемом не советую. Я тебя предупредил. Я сейчас в плохом настроении.

Выходит, бесшумно прикрыв за собой дверь, и я судорожно на грани слез выдыхаю. Куда же я уйду без сына? И Макар прекрасно осознает, что мать, если она нормальная, никогда не бросит ребенка. Ни при каких обстоятельствах.

И я сама сейчас нуждаюсь в матери, которая скинула нас с Жанной бабушке и ушла строить новую жизнь после развода с отцом. Он же, в свою очередь, тоже пропал с радаров, по-

тому что мы — девочки, а не сыновья. По рассказам бабули, он всегда по этому поводу стенал, что мать наша калечная, раз не может родить сына. Будь у нас с Макаром дочь, как бы он тогда заговорил?

И нет у меня возможности сейчас взять и сбежать. Я трезво оцениваю свои и Макара силы. И с каждой секундой я все отчетливее и отчетливее осознаю его мотивацию жениться на мне. Я должна была быть для него милым фасадом, скромной девочкой, при взгляде на которую можно сразу ее определить в “хорошие жены”. Не пью, не курю, со всеми вежливая, воспитанная и доброжелательная. И идеально смотрюсь рядом с Макаром.

Да, такое нам уже говорили, что мы как с иллюстрации или фотографии из журнала. Наверное, поэтому он нас с Темой и потащил на свадьбу к тем, кого я совершенно не знаю, чтобы показать партнерам и друзьям, что он семейный и серьезный мужик, ведь к одиночкам всегда относятся с подозрением. Это все было фарсом и игрой на публику.

— Спи, мой сладкий, — накрываю Тему одеялком и шепчу, — мама что-нибудь придумает. Обязательно, а сейчас спи, солнышко.

Минуту стою у двери. Скандалить с Макаром нет смысла. Он не любит истерики, крики и громкие претензии. Он даже вникать в них не будет, потому что лишь у него на руках козыри. Деньги, связи, знакомые и родственники, которые ко мне относятся с пренебрежительной снисходительностью.

Для свекрови и свекра я тоже лишь мать их внука. Они бы с удовольствием обратились за услугой к суррогатной матери, но так не принято, чтобы здоровый мужик “рожал” детей не от жены. Зачем лишние сплетни, подозрения о его мужской несостоятельности или других нетрадиционных вопросах.

Выхожу. Пытаюсь сосредоточить внимание на теплом и гладком паркете под ногами, когда из гостевой спальни выплывает Жанна. Встряхивает футболкой и складывает ее вчетверо, снисходительно оглядывая меня:

— Ты бы хоть причесалась, что ли.

— Вот ты какая, да?

— Какая? — вскидывает бровь.

— Я ведь ничего плохого тебе никогда не делала...

— А разве плохо узнать, что твой муж совсем не тот, кем ты его себе вообразила? Да я тебе услугу оказала, что глаза тебе раскрыла, — усмехается, вновь окинув меня оценивающим взглядом.

И это моя сестра, с которой я росла и играла. Я ведь всегда ею восхищалась, ее смелостью и независимостью. Я-то тихой отличницей была рядом с ней, а она хулиганка, что подрывала авторитет взрослых и учителей. В мое сердце воткнули два ножа по самую рукоять.

— И тебе не стыдно? — едва слышно спрашиваю я.

Сколько раз бабуля задавалась этим вопросом, и никогда Жанне не было стыдно. Она в своих проказах и решениях

всегда была права, даже если бабушка плакала, например, над любимой разбитой статуэткой ангелочка.

— Вот тошно было смотреть, как ты ему в рот заглядываешь, — Жанна недовольно цокает. — Ты такая размазня, Уль. Вот какой была, такой и осталась.

— И ты поэтому решила ноги раздвинуть перед Макаром, чтобы занять мое место?

— Да не от тебя мне надо было избавиться в первую очередь, — презрительно фыркает. — В тебе ценности никакой, кроме рожалки.

По щекам текут предательские слезы и разъедают кожу. Как же больно слышать от любимой сестры подобные оскорбления.

— Вот опять нюни распустила, — закатывает глаза.

— Да ты сама ко мне такой пришла, когда нужна была помощь, — шепчу я и торопливо вытираю слезы. — Вот так отвечаешь на добро?

— Я пришла в дом Макара, Уля. Ты так и не вкурила, что ты тут никто?

— Он не хотел тебя тут даже на ночь оставлять, — цежу я сквозь зубы и сжимаю кулаки.

И я хочу вцепиться ей в волосы не из-за того, что она с мужем моим развлекалась, пока я была занята сыном. Нет. Она не имеет никакого морального права меня унижать и оскорблять после протянутой руки помощи.

Скрывается в комнате, и через несколько минут проходит

мимо с той самой дорожной сумкой, с которой пришла два месяца назад.

— Ты просто идеально создана для такого брака, сестренка. И ты ведь правда думала, что он тебя любит. Просто прелесть, какая ты дура.

— Так я думала, что и ты меня любишь, — закрываю глаза и с трудом сдерживаю поток слез. — И правда, дура.

Глава 4. Пора взрослеть

Вот оно как. По словам родной сестры, я - размазня и тряпка за то, что влюбилась в своего мужа и доверилась ему в его желании, чтобы я была хорошей женой и матерью. Да, я не ожидала подобного подвоха со стороны Макара. Он мне не говорил, что ему нужен инкубатор и что он будет мне изменять, а мне придется смириться с этим.

И да, я никогда не подозреваю людей в подлых намерениях. Быть доверчивой и доброй плохо? Ну, если только среди черстных, беспринципных и жестоких людей, для которых норма переспать с мужем сестры или взять наивную девственницу замуж, потому что пришло время рожать детей от чистой нецелованной девочки.

— Лен, успокойся, — внимаю у закрытой двери кабинета голосу Макара. — Встретимся, поговорим, — несколько секунд молчания, и с тихой яростью шипит. — С мужем таким тоном разговаривай, Лен. И я не знаю, как она про тебя пронюхала. Без понятия.

Я не хочу верить, что у Макара связь еще и с замужней женщиной. Во что меня втянули? Крики Темы и бессонные ночи теперь кажутся спокойным и уютным раем по сравнению с тем, что сейчас происходит с жизнью. Два моих близких человека предали меня и оказались не теми, кем я думала.

Открываю дверь без стука и вхожу. Макар развалился в кресле. Отбрасывает телефон и смотрит на меня как на недоумение в его сложных буднях неверного мужа. Среди мебели из темного дуба, кожаной обивки в дорогом костюме из тонкой светлой шерсти он смотрится хозяином жизни. Его поймали на измене, а он бессовестно невозмутим.

Конечно, не стоило ждать от него, что он ударится в слезы и упадет на колени с мольбой о прощении. Он перевыполнил свой план на эмоции в гостиной, когда встряхнул меня и вытянул из обморока.

— Кто такая Лена? — тихо спрашиваю я и на ответ даже не надеюсь.

Но я обязана задать этот вопрос, чтобы перехватить инициативу. С Жанной мне все понятно: она мастерски покрутила задницей в надежде спихнуть меня и какую-то загадочную Лену с насеста. Хочется ей устроить свою жизнь после череды неудачных романов.

— Забавно, что она сама не раз просила, чтобы я познакомил тебя с ней, — Макар невесело усмехается.

— Что?

Не на такой ответ я рассчитывала. Он должен был мрачно сказать “Не твоё дело”, а не говорить, что его любовница жаждала со мной встречи. Мое лицо искажает легкая гримаса отвращения, будто к спине приложили холодную пупырчатую жабу.

— Ты удивлена?

— Макар, я не... — к горлу подкатывает ком слез. Я его сглатываю и сипло продолжаю, — я не желаю во всем этом участвовать... Будь человеком, Макар...

Мне тяжело держать его насмешливый и надменный взгляд. Я хочу разрыдаться. К глазам подступают слезы, горло схватывает болезненный спазм, и я поджимаю губы, сдерживая в себе из последних сил горькую обиду.

— Ты знаешь, я тоже против того, чтобы тебя знакомить с Леной, — Макар покачивается в кресле, — но, видимо, ей хочется быть ко мне еще ближе через дружбу с тобой. Это что-то из категории женской логики.

— Прекрати...

— Уля, слезы вытри и включи уже голову. Я так понимаю, ты хочешь упорхнуть из семейного гнездышка с Артемом на руках, гордо вскинув голову, в новую жизнь без мужа-мерзавца, — скалится в улыбке. — Но этого не будет. Уходи одна, если так хочешь сыграть в гордость.

— Ты шутишь, да? — голос предательски дрожит паникой. — Теме нужна мама... Он же еще крошечка...

— У меня есть все возможности, чтобы забрать у тебя сына, Уля, — стучит пальцами по подлокотнику, — но, видишь ли, я считаю, что у ребенка должна быть мать, но лишать тебя выбора я не могу. Хочешь, уходи.

— Какой же это выбор? — пальцы дрожат.

— Сложный, — пожимает плечами, а глаза холодные и колючие. — Как жена и мать без всех этих истерик, ты ме-

ня устраиваешь. И не делай сейчас такие удивленные глаза, Улиточка. Ты знала, на что шла. Ты видела во мне обеспеченного мужика, с которым будет тепло и сытно...

— Не говори так...

— Люби, одаривай заботой нашего сына, — Макару совершенно не стыдно за свои слова, будто он давно ждал этого разговора и готовился к нему.

— А что потом?

— Потом второй и третий ребенок. Мы же планировали троих.

— Да что с тобой не так...

— Я согласен с тем, что с сестрой твоей вышло некрасиво, но у меня эти две недели сложные и напряженные, — Макар поддается в мою сторону и облакачивается о стол, сцепив ладони в замок. — В любом случае, ее уже тут нет. Наконец-то, — зло ухмыляется, — не люблю таких женщин. Они умеют подгадать момент.

Закрываю лицо ладонями и медленно выдыхаю. Я впервые увидела Макара таким, какой он есть на самом деле без флера девичьих фантазий.

— Отпусти нас... Найди другую женщину, которая родит тебе детей...

— Я ее уже нашел, — встает, кидает беглый взгляд на наручные часы и застегивает пиджак. — Нет у меня сейчас желания тратить время на очередные поиски, встречи, разговоры, свадьбы. Меня все это утомляет. Ты меня устраиваешь,

но раз ты хочешь встать позу, то время тебе до вечера. Решай ты с нами или без нас, — хмыкает и возвращает мне мои же слова, — найдешь себе другого мужика, от которого родишь нового ребенка.

— Ты считаешь, что я могу бросить Тему? — поднимаю взгляд.

— Вот тебе встречный вопрос, Улиточка, — с предостережением щурится, — с чего ты решила, что я откажусь от сына? Я тебе такую веселую жизнь устрою, если вздумаешь сбежать с ним или решишь пободаться со мной из-за чувства уязвленного достоинства, что взвоешь. Ты умная девочка и все сама понимаешь. А теперь мне пора.

Отхожу в сторону, когда он шагает к двери. Неожиданно он притормаживает, разворачивается ко мне и касается моего подбородка, вглядываясь в глаза:

— Пора взрослеть, верно?

Меня от его прикосновения пробивает разрядом электричества, которое ныряет дрожью в руки. Смахивает с моих щек слезы, усмехается и выходит, а я оседаю на плотный ковер полу без сил.

Глава 5. Ты тоже никому не нравишься

— Чо у тебя с рожей?

Юру Пастухова я и в обычные дни терплю с трудом, а сейчас хочу ему рожу набить, чтобы сбросить напряжение. Утренняя игра в теннис с этим бесячим жирдяем никак не помогла мне успокоить нервы. И он всех раздражает, но он один из самых влиятельных людей в нашем кругу. У него в руках почти все крупные карьеры. Гранит, мрамор, песок, асбест... Вот и приходится с ним держать связь. То на свадьбы его ходить, то играть в теннис по понедельникам.

— И играл ты сегодня из рук вон плохо.

Не до игр мне сейчас. Впереди маячит разговор с Леной. Ее истерики, мои попытки оправдаться и объяснить, что на меня нашло. Забавно получается, от меня верности ждет не только жена, но и любовница.

— Да я тебя уделал, как обычно.

Каждый раз проигрывает. Каждый, мать его раз, но продолжает и продолжает со мной играть. Я не понимаю его. Я все еще лелею надежду, что ему надоест фигней страдать, потому что в теннис он никогда в жизни не научится играть, но, похоже, этого не случится. Он прекрасно знает, что я терпеть не могу понедельники только из-за встреч с ним.

— Это ты из-за того, что железо упало в цене? — небрежно помахивает ракеткой

— Не критично упало. В пределах нормы.

— Может, продашь парочку своих месторождений, пока совсем цены не обвалились? — присаживается на скамью рядом.

— Если продам, то не тебе.

— Ты мне делаешь больно, Макар. И я готов даже не торговаться.

— Нет, Юра.

— Сколько я тебя, сволочь, уже окучиваю? — хрипло смеется. — С отцом твоим у меня не получилось договориться, так теперь еще и с тобой ничего не выходит.

— Он меня предупредил, чтобы я даже под пытками тебе и кусочка не продал.

— Откуда столько ненависти?

— Просто ты никому не нравишься, — мрачно смотрю в его насмешливые серые глаза. — С тобой если и вести дела, то очень аккуратно. Раком нагнешь и отымеешь.

— Наговариваешь, Макар. Мои прелюдии с твоей семье очень длинные, — Юра недобро щурится. — Я вас охаживаю, как капризную девственницу, а в благодарность получаю отвратительную игру. Я сюда по понедельникам хожу не для того, чтобы ты со мной, как со стариком играл. Что у тебя случилось?

— А вот это не твое дело.

— Я прекрасно знаю это выражение лица, — поддается в мою сторону. — Дело либо в бабках, либо в женщинах. У мужиков только две проблемы.

— Что ты ко мне прикопался?

— Ты мне утро понедельника испортил, ирод. Я даже не вспотел, а мне вес надо сбрасывать, иначе жена сожрет с потрохами.

— Зная тебя, скоро новую найдешь, — разминаю шею с хрустом.

— Тогда меня живым закопают в лесу, — Юра откладывает ракетку и зевает. — Вся моя дружная семья возьмет по лопате и закопает.

— Я присоединюсь.

— А ты мне кто? — вскидывает бровь. — У тебя бы была такая возможность, если бы я тебя женихнул на своей племяннице, но кто тебе виноват?

— Что ты несешь?

— Твой отец решил, что не для Викуси твоя роза цвела, — Юра вытягивает ноги. — Был у нас с ним однажды разговор, что мы бы могли породниться, но ему идея не понравилась. Зато, видимо, — кидает на меня пренебрежительный взгляд, — понравилась идея взять безродную девку без кола и двора?

— Юр, харе.

Он ходит по тонкому льду, который уже идет трещинами.

— Так-то логику я понимаю, — тяжело встает и потяги-

вается, — проблем тогда меньше, да?

Вот откуда у этого жиробаса такая чуйка?

— Соглашусь, родственники могут довести до белого каления, — приглаживает волосы. — Для семьи нужны стальные яйца. И раз у нас тут зашла речь о родственниках, семье, то тебя, твою прелестную жену и сыночка на ужин ждет моя племянница. Помнишь ее? Она сказала, что вы успели на моей свадьбе перекинуться парой слов.

Конечно, я помню эту наглую девицу, которая изъявила желание подружиться с Улей. Вот так, с пол-оборота “будем дружить”. Она — жена Валерия, сына строительного магната, который в свое время выбрал путь не только делового партнерства, но и дружбы с Пастуховым. И надо сказать, что он выиграл на этой ставке.

— А цель этого ужина?

— У меня свои цели, а у Викуси цель найти подружку. Серьезная такая цель, потому что она мне чуть ли не ультиматум поставила, — Юра одобрительно посмеивается.

— Меня волнуют твои цели, — смотрю на него исподлобья.

Учитывая, что он повернут на идее слияния семейных капиталов, то у него планы на моего сына. У его племянницы — дочь того же возраста, что и Артем.

— Хотя ты можешь и не приходить, — игнорирует мой вопрос. — Викуся не изъявила желания с тобой дружить, а Валерий сейчас в сложной ситуации, когда ему надо во всем

соглашаться с женой. Мастерски она его за яйца взяла, и, конечно же, не без моей помощи.

— На черта твоей племяннице сдалась моя жена?

— Дружить, — тихо с угрозой говорит Юра. — Нет у нее подруг. И не с кем мамские дела обсудить. Как покакали, как срыгнули, как орали всю ночь. Слушай, Макар, я твоего отца уважаю, но он не умеет думать наперед. И да, с некоторыми товарищами стоит держать дистанцию и быть обособленными, но не со мной.

— Это угроза?

— Да, Господи! — разочарованно бьет ладонями по бедрам. — Твоему отцу простительно быть параноиком, потому что он уже в том возрасте, когда кругом все проститутки, наркоманы и уроды неблагодарные.

— Я не думаю, что сегодня лучший день для ужина.

— Для хорошего ужина, — наклоняется ко мне и всматривается в глаза, — всегда лучший день. Или вот тебе выбор. Ужин для моей Викуси либо ты поднимаешь свой зад, идешь сейчас со мной на корт и выбиваешь из меня семь потов. Я должен упасть на колени и взмолиться о пощаде. И никак иначе.

Про Викусю, Валерия и Юру можно почитать в книге “Измена. Право на семью” <https://litnet.com/ru/reader/izmena-pravo-na-semyu-b433710?c=4881098>

Глава 6. Мерзко!

— Ужин? — смотрю в экран телефона и недоумеваю сообщению от Макара.

“У нас сегодня ужин у Пастуха в 19:00. Заеду в 18:00”

Еще бы знать, что за Пастух-то такой? Напрягаю все извилины, которые сохранились после тихой истерики, множества попыток собрать вещи и беготне по дому в поисках поддержки от невидимок, и вспоминаю того дядечку-жениха, который на шпагат сел перед своей будущей женой.

Макар опять хочет покрасоваться “семьей”, показать супругу и ребенка и утвердить статус женатого мужика перед деловым партнером. Есть ли у меня возможность взбрыкнуть, отказаться и пусть он сам катится на этот ужин, на котором я совсем не хочу быть? Не желаю я играть счастливую курицу рядом с мерзавцем, но и идти против него — совсем не вариант.

Бабушка не раз говорила, что надо быть хитренькой, но хитрость не про меня. Я прямая, открытая и глупая. Да боже мой, мной и на работе коллеги пользовались. Кто задерживался и никогда не мог отказаться от сверхурочных задач? Я! Естественно, Макар посмотрел на тихую идиотку, которая вечно торчала на работе чуть ли не до ночи, и смекнул,

что вот на этой овце и можно жениться. Идеальная кандидата для его супруги, которая готова “рожать, варить борщи и любить его такого невероятного”.

— Золушка! — рывкаю я и в ярости кидаю чашку в стену.

Звон, осколки и легче не становится. Ни на капельку. Мне же теперь и осколки эти убирать, и лужи чая вытирать. Телефон у раковины требовательно вибрирует, и сжимаю кулаки. Я не готова слышать голос Макара, но это бабуля, которая без приветствий охает:

— Что у вас с Жанной произошло? Она рыдает навзрыд! Она сказала, что ты ее выгнала, Уля. И ударила.

У меня челюсть ползет вниз от услышанного.

— Ба...

— Я видела ее синяк.

— Какой синяк.

— На лице... Уля, вы же сестры. Так нельзя.

— Ба, она врет. Не била я ее...

Молчание, и я понимаю, что мне не верят. Жанна - хорошая актриса. Теперь я думаю, что никакого злого байкера и не было.

— Уля, и знаешь, попрекать деньгами родную сестру...

— Ба! Да врет она! — повышаю я голос. — Да она... — я замолкаю на полуслове.

Нет смысла сейчас оправдываться тем, что я застучала ее и Макара на кухне. Сейчас Жанна прикидывается жертвой, и, учитывая, как она меня обманула своими слезами, то и на-

ша бабушка тоже ей поверит. И действительно ли она могла поставить себе синяк, чтобы меня демонизировать? Могла.

— Уля, так нельзя, — с тихим осуждением шепчет бабуля.

— Ей сейчас тяжело. Да, она не всегда права, но ты должна быть мудрее. У тебя есть семья, муж и сын, а у нее никого.

Вот она и решила меня всего и лишить. Мужа, сына и бабули. Думается мне, она прекрасно поняла, что Макар не станет со мной вальсировать при разводе и не отпустит с Темой, если я решу уйти, и не просто так она облила меня помоями при уходе. Хлестнула по гордости в стремлении спровоцировать на побег в диких и неконтролируемых эмоциях. Вот гнида. Сама пугаюсь своей злобе и медленно выдыхаю.

— Уля...

— Что?

— Она же к тебе за помощью пришла, — причитает бабуля, и закрываю глаза. — Я же всегда вас учила, что нужно обиды прощать. Да, она, может быть, обижала тебя в детстве, но она же ребенком была. И ей было сложнее... Она же была старше и... — всхлипывает, — и для нее уход мамы был большим ударом... Теперь и ты отказываешься от нее, а ей очень нужна семья. Я уже старенькая, Уля, понимаешь...

— Если я и поставила ей синяк, то было за что, — едва слышно отзываюсь я. — Ты у нее лучше спроси, почему я так поступила.

— Она сказала, что ты в последнее время сама не своя. Скандалишь, на мужа набрасываешься...

— Вот как, — невесело хмыкаю я.

— И к Темочке отказываешься подходить...

Я не могу сдержатъ короткий смешок. Видимо, в жалобах Жанны я скинула на нее сына, дом и бегаю тут в послеродовой депрессии неадекватная и дикая истеричка.

— Уля, и кидаться подобными обвинениями...

— Какими? — сажусь за стол и подпираю лоб кулаком.

— Даже говорить о таком грешно.

— Ну ты намекни.

— Ты ведь сама знаешь.

— Нет.

— То, что она виды имеет на Макара. Тебе не стыдно?

Я рот открываю. Вот и мне прилетело “тебе не стыдно?”, и я не знаю, как реагировать. Плакать или смеяться? И вот сейчас я реально готова орать в трубку, но вместо этого едва слышно говорю:

— Вот это да...

— И тебе не против своей сестры надо идти. Это Макар ее...

— Договаривай.

— Ловил по углам, — бабуля повышает голос. — Она же тебе пыталась сказать. Он ей угрожал, запугивал.

Какова вероятность, что у бабушки проявились первые признаки старческого маразма? Я могу только так объяснить то, что она верит Жанне.

— Она сейчас рыдает в ванной, Уля. Ей страшно. Она его

боится, потому что он обещал...

— Да кому она нужна? — внезапно огрызаюсь я. — Сама тут бегала задницей и сиськами светила!

— Прекрати!

Я скидываю звонок и флегматично смотрю на осколки и лужицы чая на полу. За окном солнце, птички заливаются трелями, а ноги мерзнут. Что я сделала Жанне, что она сейчас уничтожает мою жизнь и давит меня, как таракана? Зависть? Чему завидовать? Неверному мужу, который не любит и использует меня? Разве ее бы устроил такой вариант или же за деньги она была бы готова все это терпеть.

Нет. Терпеть бы она не стала, но и убегать тоже. Она бы выкрутила все происходящее в свою пользу. Или попыталась бы. Вот она всячески хитрит, пусть и не совсем удачно. Тошно, голова болит, и я лишена возможности махнуть хвостом и убежать. Я понимаю, что должна сейчас подчиниться Макару, робко затихнуть и обдумывать план своего спасения из замужества, но проглотить сегодняшнее утро и принять на время условия его игры... Мерзко, мерзко, мерзко!

Несколько минут гипнотизирую осколки. Не стану их убирать. Не хочу и не буду. Встаю и плетусь прочь из кухни, медленно массируя голову кончиками пальцев. Лишь бы не сойти с ума. Надо выждать, если нет сейчас возможности дать бой Макару или скрыться от его власти где-нибудь в другой Вселенной вместе с сыном.

Глава 7. Это разговор не для ушей Артема

— Бабушка твоя звонила.

Я молча кладу руку на живот Темы, который лежит в автолюльке и вертит в ручках резинового голубого бегемотика. Макар кидает беглый взгляд на зеркало заднего вида. Сколько в нем злости. Вероятно, бабуля и на него вылила ведро обвинений, что он домогался Жанны.

— Опередила тебя сестричка в жалобах на меня, да?

— Если жаловаться кому, то только тому, кто может помочь, — тихо отвечаю я. — Толку-то плакаться бабушке, которая ничего не сделает кроме причитаний?

— Да там такие причитания были, — Макар хмыкает. — Мы с тобой два моральных уroda.

— Было ожидаемо, что и меня зацепит. Как говорится, с кем поведешься...

Я так и не поплакала, как следует. Не порыдала в одиночестве. Слезы застыли где-то над сердцем в острые осколки льда и впились в пищевод и желудок. И не сглотнуть их.

— И я бы на ее месте не кидался такими обвинениями, — холодно продолжает Макар. — Вряд ли Жанна будет о ней заботиться и искать специалистов, когда придется сиделку нанимать.

От упоминания имени сестры к горлу подкатывает ком тошноты. Почему бы Макару не помолчать? Неужели он считает, что у меня есть желание вести с ним сейчас диалог после произошедшего?

— С родственниками тебе, конечно, повезло.

— Ты же это сразу понял, раз я с тобой сейчас еду в одной машине.

Тема грызет бегемотика и косит на меня глазки. Улыбается, когда я перевожу на него взгляд, смущается и фыркает. Он такой миленький в рубашечке и брючках, что я на несколько секунд забываю о Макаре. Красавчик такой. Всегда умиляла одежда для малышей, которая копирует взрослый стиль. Вот прям джентльмен, и придется изловчиться, чтобы поменять ему памперс, но красота требует жертв.

Я и сама ему под стать. Я не хотела прихорашиваться, выбирать платье, туфли, но перед чужими людьми нельзя быть в пижаме и дулькой на голове.

— Ты бы мог и без меня на ужин поехать.

— Ждут именно вас с Артемом, — мрачно отвечает Макар. — Вику помнишь на свадьбе Пастуха? Та, которая дружить хотела.

Замечательно. Нет у меня никаких претензий к этой приветливой девушке, но я не готова я сейчас дружить. Я хочу забиться в темный угол и чтобы никто меня не трогал.

— И давай без сюрпризов, Улиточка. Это чисто ужин, чтобы соблюсти приличия и держать эту семью в кругу хороших

знакомых. Не друзей и не врагов, а знакомых.

— Опять какие-то ваши игры?

— Это игры Пастуха. И да мне не нравится, что он с легкой руки его племянницы, обратил на нас внимание.

— Ты сам на его свадьбу пришел, — недовольно цокаю я.

— Отказаться было нельзя. Мы все, так или иначе, повязаны. Он тоже был на нашей свадьбе. Правда, отмолчался с тостами, но у него были свои причины показать, что он недоволен.

Я из нашей свадьбы помню платье, дикий восторг и Макара. Такого шикарного, красивого и строгого, а гости для меня были размытыми пятнами, потому что ничто и никто не был для меня важен так, как мой будущий муж. Я буквально отказалась от всего мира, нырнула в свои фантазии и иллюзии и опьянела ими до эйфории. И Макар прекрасно это видел и знал, что я влюблена в него по уши. Мало ему было глупой девочки, ему была нужна любовь от нее.

— Что ты замолчала?

И с каким я упоением наслаждалась беременностью, и даже роды были для меня радостью несмотря на боль и мои крики. Я была счастлива до одурения и идиотизма. Влюбленность стала для меня лоботомией.

— Ты знал, что я в тебя была влюблена, — едва слышно говорю я.

— А что же ты в дворника там не влюбилась? — едко интересуется Макар. — Или в коллегу по работе. В такого же

менеджера, как и ты. Обычного парня, который живет от зарплаты до зарплаты, снимает комнату?

Меня злят его намеки, что тварь я меркантильная, которая повелась на его статус и деньги, но ответить нечего. Он меня загнал в ловушку.

— Это нормально, Улиточка, когда женщина ищет того мужчину, который обеспечит ее и детей. Это, можно сказать, срабатывают инстинкты. Ты по достоинству оценила меня, а я тебя. У тебя свои критерии выбора были, по большей части неосознанные, а у меня свои.

— Только ты забыл добавить в свои критерии то, что потенциальная жена должна проглотить твои измены.

— Но ты же тут, со мной в одной машине, — усмехается.
— И мы едем на ужин.

— Мерзавец.

— Если бы не твоя сестра, то ты бы ничего и не узнала, — флегматично отвечает. — Признаю, это моя ошибка, Улиточка.

— Не называй меня так, — цежу сквозь зубы. — Тошнит от твоей Улиточки. У тебя хоть капля совести есть? И знаешь, я готова трусы последние с себя снять, чтобы уйти от тебя. И не было бы меня тут, будь ты со мной до конца честным на первом свидании. И это ты тоже знал, потому что жена тебе была нужна с принципами и достоинством.

— Это разговор не для ушей Артема.

— Так ты его сам и начал.

— Вот я его и заканчиваю, — Макар чеканит каждый слог.
— Мы уже по второму кругу идем. Если ты никуда не побегала, то приняла мои условия. На этом можно и остановиться.

Артем требовательно ворчит и хмурится. Выронил бегемотика и готов расплакаться от несправедливости этого мира: ручки маленькие, неловкие и не достать ими игрушку между его боком и бортиком люльки.

Мой сын вырастет таким же, как и его отец? Скольких он девочек и женщин обидит, если впитает презрение, высокомерие и неуважение Макара? Чтобы он стал достойным мужчиной рядом с ним должен быть достойный отец.

— Приехали.

Машина притормаживает возле массивных кованых ворот, и Макар сигналиит. Артем вздрагивает, округляет глаза и смеется. Почему-то он очень любит, когда “бибикает машина”.

— Давай еще раз, — говорит Макар и вновь сигналиит, чем доводит Артема до дикого восторга. — Ну, хоть у кого-то все просто и понятно в этой жизни.

Ворота медленно отворяются, и я прикусываю язык, чтобы себя немного отрезвить и собраться с духом. Я должна быть милой, улыбчивой, и мои проблемы с мужем, увы, не касаются чужих людей. Если у близких не найти сочувствия, то что говорить о посторонних?

Глава 8. К столу, дорогие гости

— А кто это к нам приехал? — Вика улыбается, и дочка у нее на руках сосет большой палец и подозрительно смотрит на Артема, который издает что-то вроде сердитого “ме” и надувает губки. — Так, молодой человек с нами поздоровался, теперь твоя очередь, Соня.

Макар тем временем пожимает руку мужу Вики Валерию, который сдержанно и вежливо улыбается. Соня в белом платье с рюшками на руках Вики заинтересованно косит взгляд на голубого бегемотика Артема, потом вновь смотрит на своего сына и отворачивается. Вот уж маленькая неприступная леди.

— Меэ, — вредно повторяет Артем и слюнявит бегемотика. Я бы сказала, что делает он немного демонстративно. — У-умф.

Соня фыркает. За всем этим детским немногословным диалогом я забываю, что рядом стоит мрачный Макар.

— Я думаю, что им надо время, чтобы найти общий язык, — Вика мило улыбается.

— Вероятно, — легко посмеивается Валерий и приобнимает ее за плечи.

— Надеюсь, вы теперь меня понимаете, — на крыльцо дома выходит крепкий полный мужчина и ослабляет галстук с ехидной улыбкой. Делаю вывод, что это тот самый Юра Пас-

тухов. — Одно удовольствие наблюдать за детками, да?

— Не начинай, пожалуйста, — Вика оглядывается.

— Какой к нам кавалер-то пожаловал, — Юрий спускается и вальяжно подплывает к нам. Протягивает большой палец Артему. — Приветствую, Артем Макарович.

Артем Макарович одной ручкой прижимает бегемотика к груди, другой насупленно хватается палец.

— Я твоему сыну нравлюсь, — Юра одаривает молчаливого Макара широкой улыбкой, а затем смотрит на меня и шепчет, — я руки, если что, помыл. Ульяна, да?

— Да.

— А по бабушке?

— Сергеевна, — тихо отвечаю я.

— К тебе по отчеству или просто по имени?

— По имени.

— Меня тоже по имени. Я Юра. И именно из-за моего наглого шантажа вы тут.

— Дядя, — вздыхает Вика.

— Я буду продолжать и продолжать, пока вы не соизволите пригласить гостей наконец-то в дом.

— Тогда мы просим вас к столу, — Валерий едва заметно хмурится, выдавая свое раздражение, которое вызвано Пастухом.

— И самое возмутительное, что меня вот на ужине не ждали, — Юра цыкает и деловито шагает к крыльцу. — Я, между прочим, и организовал.

Какая странная семья. Юра провокационно честен, чем вызывает недовольство у Валерия, но в то же время... Это недовольство родное, теплое и привычное.

— Он вредный, — шепчет Вика, наклонившись ко мне, — но... где-то в глубине души он милый.

— Очень глубоко, — флегматично отзывается Юра и с угрозой добавляет. — И дядя Юра милый только с теми, кто с ним милый.

Я хочу убежать. Это большая ответственность быть милой с пугающим мужиком, у которого холодные глаза, как у крокодила, который неподвижно чего-то выжидает.

— Идем, — Макар приобнимает меня, и я сдерживаю в себе порыв его оттолкнуть.

У Вики и Валерия двухэтажный дом из белого камня в стиле сдержанного неоклассицизма. Высокие потолки, большое пространство, светлая мебель, неброская лепнина и плавная резьба по белому дереву. Наше с Макаром “гнездышко” более вычурное, пафосное и ближе кричащему барокко. Золото, бронза, хрусталь, темное дерево.

— Деток оставляем мне, — в просторной гостиной нас встречает строгая, но улыбчивая женщина. — Я ими займусь.

— Это наша няня, — говорит Валерий. — Мария.

— И как нас зовут? — мягким шагом подходит ко мне, заглядывая в личико Артема. — какой красавчик.

— Артем... — отвечаю я, и Мария решительно забирает

у меня сына, не позволяя мне опомниться.

и сейчас не только у меня круглые глаза, но и Артема. Он в растерянности смотрит в лицо Марии, затем на меня и вновь на странную наглую тетку. Но не плачет. Шокирован до глубины души, но не решается высказать свое возмущение через крики и слезы.

— Эту ведьму дети любят, — Юра оглядывается. — Выдохни, Ульяна.

Соня на руках Вики ревниво надувает щеки, наблюдая за тем, как Мария со всеми удобствами устраивает молчаливого и удивленного Артема среди подушек на ковре у софы, обитой парчой, и подает злой голос:

— Мнн-э.

— Да никто о тебе не забыл, моя булочка, — смеется Мария, и Вика отдает ей дочь без тени сомнения, как самой себе в руки. Макар в легком изумлении хмыкает:

— Не плачет.

— А заплачет, успокоим, — Мария опускается с Соней напротив растерянного Артема. — Это я умею. Все, — поднимает взгляд, — идите.

— Но... — неуверенно отвечаю, чувствуя легкий страх за сына, который может закатить истерику, когда потеряет меня из вида.

— Я бы Марии и свою жизнь доверил, — спокойно и умиротворенно отзывается Юра, но взгляд все еще цепкий и внимательный. — И родительское внимание испортит тон-

кий момент знакомства. Они, в конце концов, стесняются.

Ладно, надо действительно выдохнуть и ненадолго отлучить Артема от нервной матери. Пока он не кажется мне испуганным и потерянным, и его внимание переключилось на розового плюшевого дракона. Отбрасывает бегемотика и тянется к странной нелепой игрушке.

Пока никто не видит, я мягко, но решительно скидываю с плеч руку Макара и торопливым шагом вырываюсь вперед, чувствуя на спине злой взгляд. Равняюсь с Викой и шепчу:

— У вас красивый дом.

— А к себе пригласишь? — неожиданно спрашивает она и хитро приподнимает бровь.

Вот это прыть. Я теряюсь от вопроса Вики, и понимаю, что без разрешения Макара я бы никогда и никого не пригласила в гости.

— Пригласим, — холодно отзывается Макар, и Вика оглядывается. — Но мы этот с женой обсудим позже.

— А что тут обсуждать?

— Действительно, — самодовольно посмеивается Юра, пропуская нас в столовую. — Я вот вообще придерживаюсь мнения, что нужно дружить так, чтобы можно было и без приглашения прийти.

— Это ты любишь, да, — Валерий приглаживает волосы. — Поэтому многие скрывают от тебя свои адреса.

— Все важные для меня адреса я и так знаю, — кидает беглый взгляд на Макара, у которого на щеках желваки иг-

рают. — И даже в курсе, где у кого дачи и летние загородные домики.

— Не сомневаюсь, — Валерий разминает с хрустом шею. — Я помню, хобби у тебя такое, все обо всех вынюхивать.

— Это очень увлекательно, Валер, — Юра похлопывает его по плечу. — Некоторые сериалы смотрят, а наша жизнь куда поинтереснее будет любых сценариев. Я, может, на старости лет писателем стану и буду всех удивлять историями, основанными на реальных событиях.

— Так, — Вика внезапно разворачивается к нам и подбочивается. — За столом никаких разговоров о бизнесе, сделках, акциях и прочей ерунде. И да, мы лучше обсудим писательскую карьеру моего дяди, чем всю эту скучную фигню. А теперь всех прошу к столу.

Глава 9. А я хочу пирожных

— Расскажи о себе, — говорит Вика и отправляет в рот кусочек брынзы с веточкой укропа.

Я не могу насладиться ужином. Я чувствую вкус, но меня нервирует Макара, который сидит рядом, и я все жду криков Артема, но я их не слышу и мне не сбежать из-за стола под благовидным предлогом успокоить сына.

— Я не думаю, что мне есть, что рассказать о себе, — вежливо улыбаюсь и прячу неловкость за кусочком сочной говядины.

— Ты нас не проведешь, милочка, — Юра щурится и тыкает вилкой в мою сторону. — У каждого человека есть что рассказать о себе. У любого. Так что, давай. Мы тут все внимание.

— И, возможно, наш будущий писатель твою историю использует для своей книги, — хмыкает Валерий.

— Только с разрешения, — Юра скалится в улыбке. — И если, конечно, меня впечатлит ее история.

Коротко пробегаюсь по автобиографии. Родилась, пошла в садик, потом в школу и универ, после год проработала и вышла замуж. Еще вчера я бы, наверное, растеклась в подробностях, какой невероятный роман был у нас с Макаром, а сейчас просто поделилась сухими фактами. И то многое скрыла. Ни про родителей, ни про бабушку, ни про сестру

ничего не сказала. Потому что не хочу.

— Не впечатляет, — хмыкает Юра. — Попробуем по-другому. Поделись самым нелепым случаем из жизни. Или какой-нибудь факт о себе.

— Дядя, ну что ты так сразу, — Вика хмурится.

— У меня есть друг-гусь, — откладываю вилку и улыбаюсь.

Тишина, и Юрий щурится:

— А это уже что-то. В каком смысле друг гусь? Или это какая-то метафора с намеком?

— Я с детства дружу с одним очень агрессивным гусем, — тихо продолжаю я. — Он у соседей моей бабушки живет. Вот я с ним с десяти лет завела дружбу. Он всех гоняет, а меня нет. Он на меня однажды кинулся, а не побежала, и вот... Подружились. Я когда приезжаю к бабушке, то мы с ним гуляем.

— Это правда? — спрашивает Валерий у Макара, который кивает и делает глоток из бокала.

— Он за ней как собака ходит, — сухо отвечает он, — и никого не подпускает.

— И тебя тоже? — Юра вскидывает бровь.

— Да, меня в том числе.

— Прелесть, — Юра расплывается в улыбке и одобрительно смотрит на меня. — Вот с этого и надо было начинать. Не с того, что с отличием закончила школу. По тебе и так видно, что ты отличница.

Слабо улыбаюсь, и возвращаюсь к тарелке. Вика неожиданно встает:

— Пойдем, поможешь мне с десертом.

Я поднимаю удивленный взгляд. У нее ужином заняты две женщины, и им нужна помощь?

— Девочки не справляются, — она словно угадывает мои мысли, и я встаю. — Надо их проконтролировать.

Молча следую за Викторией на кухню. Тяжело мне сейчас взаимодействовать с людьми и держать себя в руках.

— Девочки, — Вика плотно закрывает за собой дверь и улыбается своим помощницам по ужину, — я могу вас попросить оставить нас? Минут пять подышите свежим воздухом на заднем дворе.

Женщины кивают, и выходят из кухни через неприметную дверь в глубине кухни, которая полна густых ароматов сладкой выпечки. На столе стоят блюдечки с пышными пирожными.

— Ну ка, — Вика резко разворачивается ко мне, — что с тобой?

— Ничего.

— Я же вижу, — заглядывает в глаза. — Ты меня не обманешь. Он тебя обижает?

— Нет.

— Уля, — мягко сжимает плечи и хмурится. — Если ты не заметила, то ты сейчас плачешь.

Я всхлипываю, отворачиваюсь и прижимаю ладонь к гу-

бам. Я должна успокоиться и натянуть улыбку.

— Это аллергия, — сипло шепчу я.

Вика молча обнимает меня, прижимает к себе, и меня рвет от ее ласкового участия на новые всхлипы. Плечи дергаются, и меня всю трясет. Я хочу, но никак не могу задавить в себе предательскую истерику, а затем и вовсе шепчу:

— Он мне изменяет...

— Милая моя...

— И я не могу уйти... Он не отпускает, угрожает сына забрать... — захлебываюсь в обиде и жалости к себе, — и я с ним не из-за денег, как он считает... И он меня не любит... У него есть какая-то Лена... и моя сестра... я... не знаю, что делать... он меня везде найдет...

Я не ищу у милой Вики защиты. Она проявила ко мне равнодушие, и уже это меня согрело теплыми объятиями. Когда я затихаю, она усаживает меня за стол, кладет тканевую салфетку передо мной и лезет в верхние ящики:

— Чертовы мужики...

— Я не должна была этого всего вываливать на тебя... Это не твоя забота. И не говори никому, пожалуйста... Это лишь наши разборки и дразги.

Прوماкиваю глаза салфеткой, промаргиваюсь и медленно выдыхаю. Моя эмоциональность меня опять подвела.

— Вот что ему не хватает? — шипит Вика, развернувшись ко мне с жестяной баночкой. — Красивая такая, сына подарила, умная...

— С умной я бы поспорила, — невесело усмехаюсь я. — Мозгов у меня, как у улиточки.

— Не говори так.

Вздрагиваю, когда слышу скрип двери и голос Макара за спиной:

— Что у вас тут, девочки?

— Чай завариваем, — Вика с улыбкой трясет баночкой.

— И делимся мамскими делами.

Закусываю кончик языка, и с наигранным спокойствием отзываюсь:

— Обсуждаем, как бороться с детскими коликами, — разворачиваюсь вполоборота и сдержанно улыбаюсь.

— О, дааа, — согласно тянет Вика. — Я вот чего только не испробовала. И чаи, и отвары с укропчиком, и аптечные штуки...

— Укроп не помогает, — вздыхаю.

— Вот нам тоже, — Вика игнорирует подозрительный взгляд Макара и сердито смотрит на меня, — и фенхель тоже ерунда полная. И ведь не впихнешь эту дрянь. Она же мерзкая.

Макар вряд ли верит нашей импровизации на тему детских чаев. Взгляд тяжелый, темный и ниспытующий. Как любопытно. Гуляет на стороне, но не желает, чтобы о его подвигах знали другие.

— Я не думаю, что нам стоит испытывать гостеприимство Валерия и Вики, — говорит он. — Нам пора.

— Что за глупости? — цокает Вика.

— Ты можешь ехать, — тихо отзываюсь я, — если устал.

А я хочу чая и пирожных.

В глазах Макара пробегает быстрая черная тень. Он очень недоволен моей дерзостью и наглостью, которая для него непривычна.

— Понял тебя, — на его переносице пролегает тонкая морщинка гнева, и он выходит, бесшумно прикрыв дверь. — Ждем тогда пирожных. Кто бы мог подумать, что ты сладко-ежка.

Глава 10. Это твоя ошибка

— Да что ты говоришь? — Юра удивленно смотрит на Артема, когда тот фыркает. — А ты как хотел? С дамами в любом возрасте сложно.

Сидит в кресле и на руках держит Соню и моего сына. Малышня смотрит друг на друга и коммуницирует агуканьем, фырканием и прочими неразборчивыми звуками. И судя по их разговору, они не очень рады знакомству. Периодически они поднимают обескураженные взгляды на Юру, который делает вид, что понимает их беседу.

Мне не нравится, что эта растолстевшая рептилия взяла на руки Артема, который не плачет, не возмущается, а лишь удивляется происходящему.

— Может, ты уже ответишь? — Юра переводит на меня взгляд. — Ты нас отвлекаешь. Бззз-бззззз-бзззз-бз без конца.

Артем и Соня округляют глаза, раскрывают рты, и Юра вновь имитирует звук вибрации в моем кармане. Смеются, и Валерий тоже улыбается, а я в очередной раз сбрасываю звонок Лены, но она не намерена отступать. Через секунду она опять напоминает о своем существовании, Валерий с Юрой в молчаливом ожидании смотрят на меня.

— Прошу меня извинить, — встаю и покидаю гостиную с желанием разбить телефон о стену.

— Что? — цежу в трубку, когда выхожу на крыльцо. —

Лен, серьезно, не самое удобное время.

— Она мне угрожает! — шипит она в ответ.

— Кто?

— Шлюха твоя!

Как же этой мрази удалось пронюхать про Лену? Она следила за мной? Очень может быть. Жанна — не Ульяна. Хитрая, изворотливая мерзавка и сразу смекнула, что наше “семейное счастье” лишь обманка.

— Макар, упустим, что ты лживый урод...

— Ох, как мы заговорили, — усмехаюсь я. — До этой самой шлюхи я был приличным и честным человеком, что ли? А ты у нас тогда кто?

— Прекрати...

— Если по фактам, так-то ты тоже в когорте моих шлюх, Лен. И ты особенная среди вас двоих, — вздыхаю. — Ты так-то ко всему прочему еще и замужем.

— Макар... — голос Лены дрожит.

— Что? — хмыкаю. — Не выходит быть белыми и пушистыми, да? И какой ждет скандал! Учительница младших классов, мать двоих детей, жена выдающегося хирурга имеет многолетнюю связь на стороне с крупным бизнесменом. Какая история! Вот уж точно можно книгу написать.

— Макар, это и тебя касается...

— Да всем и так известно, что все эти богатенькие буратинки — сволочи. Ничего нового, — невесело хмыкаю я.

Напряженное молчание на целую минуту, и Лена шепчет:

— За что ты так со мной?

— Все могло быть иначе, и ты это знаешь, но ты свой выбор однажды сделала, — тихо и отрешенно отвечаю я.

— Я ведь люблю тебя.

— А тогда ты любила студента медицинского.

— Я ошиблась.

— Вот как?

— И, может, сейчас у нас есть шанс быть точно вместе?

— Как ты риторику поменяла, когда запахло жареным, — сжимаю переносицу. — Но теперь и я женат.

— Мне просто страшно...

Опять она тиранит меня своей неопределенностью, нерешительностью и страхом. Ей очень нравится роль скромной и приличной женщиной и невероятно заводит ее тайная жизнь, в которой она выкраивает редкие часы для встреч с тем, кого однажды по юности отвергла.

— Чем она тебя шантажирует?

— Фотографиями, где мы целуемся в машине, а потом... Ты и сам знаешь, что было потом... — понижает голос до шепота. — Это было неделю назад...

Закрываю глаза, медленно выдыхаю. Тогда Лена “очень по мне соскучилась” и чтобы это доказать, нырнула к ширинке. Да, скромные учительницы могут удивлять внезапными оральными радостями.

— Чего она хочет?

— Денег.

— Ясно.

— И что не спросишь сколько?

— Я их ей все равно не дам, Лен, и тебе не советую.

— Да у меня столько нет!

— Я тебя услышал, — недовольно прищелкиваю языком.

— И не долби меня звонками. Информацию я от тебя получил.

— Ты ведь решишь эту проблему? — с тихой надеждой спрашивает Лена. — Это ведь твоя ошибка, Макар.

Глава 11. Быть сволочью

— Я заберу своего сына, — мило улыбаюсь Юре, который цепко вглядывается в глаза.

— Мы тут хорошо устроились, — говорит он. — И ведем светскую беседу, в которой обсуждаем последние веяния моды. Соня и Артем сошлись во мнении, что пуговицы на мужских пиджаках от лукавого.

Опускаю взгляд и вижу, что две пуговицы на пиджаке Юры оторваны. Пугаюсь, и Валерий спешит меня успокоить:

— Я отобрал пуговицы. За эту наглость я удостоился презрительных взглядов.

Соня и Артем на руках Юры синхронно и обиженно шмыгают и мнут в пальчиках два носовых платка.

— Да, я мы их бессовестно подкупили, — Юра скалится в улыбке. — Вот бы со взрослыми детками так все работало. Садись, Уля. Я тебе сам сбегрю твоего сына, когда он заплачет.

— Мне неловко.

— Почему?

— Вы посторонний человек.

— Ничего не знаю, Артемке я понравился, — Юра усмехается. — Я это понял, потому что он попытался меня задушить галстуком.

Макар неизвестно где, но интересоваться, ушел ли он с

концами или решил отойти в уборную, я не стану.

— У Макара какие-то проблемы? — беспардонно спрашивает Юра.

Я всегда теряюсь перед такими наглецами, у которых совершенно нет никаких границ. Ужин должен быть сдержанным, вежливым и отстраненным, а тут ко мне пристают с прямыми вопросами, будто я близкая родственница.

— Ему кто-то позвонил...

— Юр, — Валерий стучит пальцами по подлокотнику, — это лишнее.

— А вдруг у него и правда серьезные проблемы? И он птиц гордый, как его отец, — Юра хмурится, — лишь бы у Пастуха руку помощи не просить.

— А с чего ты вдруг решил тут помогайкой стать?

— Мне нравится его сын, — Юра ухмыляется, — а еще его железные рудники. Железо всегда будет в цене. И старый я уже ждать, когда Артемка подрастет, унаследует все это богатство и станет мне другом.

— Это у него шутки такие, — Вика грациозно опускается в кресло рядом с супругом.

— Но меркантильный интерес у меня все же имеется, — Юра ласково улыбается ей, — и в этом нет ничего зазорного, Викусь. Я тебе не блаженный, чтобы не думать о выгоде. Любят у нас осуждать за это, но быть честным, щедрым, добрым, — теперь почему-то смотрит на меня, — душевным, отзывчивым и во всех смыслах офигеть каким пре-

красным человеком означает лишь одно. Как ты думаешь, что это означает?

— Что?

— Что нагнут тебя однажды.

— Дядя, тут же дети, — шипит Вика.

— Пусть с малых лет впитывают правду, — переводит взгляд на нее. — Милым и пушистым со многими нужно быть дозированно. И ты ведь со мной согласна?

Валерий закрывает глаза и медленно выдыхает:

— А давайте поговорим о твоих книгах.

— Так я об этом и буду писать, что иногда полезно побыть сволочью.

— Ты сволочью бываешь не иногда, дядя, — Вика фыркает.

— Ладно, — покачивает агукающих Соню и Артема, вглядываясь в их лица, — сволочью надо быть с теми, кто с тобой сволочь. Вот так будет правильно. Или кто-то тут считает, — оглядывает нас, — думает иначе? Я готов к конструктивной, но нежной критике.

И тут с согласным “мыа” роняет голову ему на грудь и тянется с улыбкой к Соне, которая в ответ всхрапывает и смущенно утыкается лицом в пиджак Юры.

— Я что-то пропустил? — Макар входит в гостиную размашистым твердым шагом и прячет телефон в карман.

— Твой сын явно заигрывает с моей дочерью, — и строит ей глазки.

И ведь не поспоришь. Артем смотрит на Соню исподлобья с кривой улыбкой, пуская слюни по подбородку.

— И дочь твоя явно напугана его очарованием, — Макар хмыкает и садится рядом.

И в его шутиливом тоне я все равно улавливаю нотки затаенной ярости. Телефонный разговор, видимо, был не из простых. Хочу съязвить на тему, чего у него рожа такая бледная, но я думаю, что и моего молчания достаточно.

— Да что такое? — Юра цокает, когда раздается вибрация телефона. — Макар, может, мне тебя научить, как посылать людей?

— Это не мой телефон, — деловито закидывает ногу на ногу, — свой я отключил, чтобы не мешал нашему уютному дружескому вечеру.

— Тогда чей? — Юра недовольно вскидывает бровь. — Что сегодня за вечер такой?

И я не сразу понимаю, что вибрация доносится из моей сумки, что лежит у резной ножки софы. И мне не звонят, а отправляют сообщение за сообщением.

Глава 12. Пирожное — это святое

“Передай ему, что я настроена серьезно”

“Или ему и Леночку свою не жаль?”

“Деньги жду завтра до 11 утра”

“Для него это копейки”

Блокирую номер Жанны, выключаю телефон и прячу в сумку. Моя сестра точно крышей поехала. Я не совсем понимаю, чем угрожает Жанна Макару, но делает это она зря. Если он и купится на подобное, то лишь ради Лены, но судя по его отсутствующему лицу, не особо он и переживает. Либо вынашивает план, как заткнуть Жанну, на защиту которой я уже не встану.

— Спам? — спрашивает Юра и улыбается.

Прикидывается дурачком, а сам все понимает. Это была плохая идея прийти на ужин к Вике и Валерию, потому что напряжение нарастает с каждой секундой не только между мной и Макаром, но и в целом весь вечер скатывается в длинные молчаливые паузы.

— Нет, не спам, — подхватываю блюдце с воздушным пирожным, — сестра. Если можно так выразиться, то у нее со мной и моим мужем случился серьезный конфликт. Она на него очень обиделась, и, вероятно, хочет до него достучаться глупыми угрозами, которые касаются еще и четвертой сто-

роны.

Макар, похоже, стремится испепелить меня взглядом. Ну, дорогой мой, это твоя ошибка, что твои женщины сейчас оказались в подобной ситуации, и именно я нахожусь в более невыгодной ситуации. И если я не могу от тебя избавиться, то и вести себя тихой и молчаливой идиоткой рядом с тобой не хочу.

— Тебе не кажется, дорогая, что вопрос твоей сестры касается только нас? — Макар холодно улыбается.

— Нет, не кажется, — разворачиваюсь к нему и подношу ложечку с кусочком бисквита и белого крема ко рту. — Я немного растеряна, потому что не знаю, как реагировать на угрозы.

— Насколько серьезные угрозы? — интересуется Юра, и Соня с Артемом пускают слюни на его пиджак, игриво глядя друг на друга. — Чего они касаются? Здоровья, финансов, семьи, репутации или жизни?

— Юр, серьезно, это не твое дело, — зло шипит Макар.

— Я думаю, что вопрос касается в первую очередь репутации, — отправляю в рот кусочек бисквита.

— Чей репутации?

— Каждого из участников, кроме моей сестры, — закидываю ногу на ногу. — она у меня в очередной раз проявила чудеса хитрости.

— Прекрати, — Макар цудит мне в ухо каждое слово. — Уля, держи язычок за зубами.

Валерий с Викой переглядываются и молчат, а Юра цепко наблюдает за нами. Макар медленно выдыхает, встает и подплывает к нему:

— Я думаю, нам пора, — забирает Артема, который недовольно крикает. — Ужин свернул куда-то не туда.

— Ты ведь в курсе, что для мужчины в первую очередь важна репутация жены, даже если ты облажался?

— Оставь свои нравоучения для семьи.

— Я бы не был мной, если бы никого сегодня не поучал, — Юра прижимает Соню к груди и поднимает взгляд.

— Кто бы тебя поучил жизни и не тебе про репутацию говорить, Юр.

— Ну, так зачем тебе повторять чужие ошибки?

Макар шагает мимо, и у двери оглядывается:

— Поехали домой.

Его голос клокочет тихим и затаенным гневом, и я хочу вскочить и побежать за ним, но вместо этого едва слышно отвечаю:

— Я недоела пирожное, а я, как выяснилось, люблю сладкое.

Я сама себя сейчас осуждаю за дерзость, но что мне терять? Была теплой, милой и уютной, а в итоге меня рожей ткнули в грязь. И, конечно, я боюсь оставлять Артема с Макаром, но он ведь — гордый отец, поэтому я не должна сейчас бежать и вырывать из его рук сына, который увлеченно жует кончик галстука.

— Пирожное — это святое, — хмыкает Юра, когда Макар выходит из гостиной.

— Если ты не заметила, то он в ярости, — Валерий чешет щеку.

— И что? — уточняю я с нотками отчаянного нахальства.

— Для него это будет полезно, — Валерий улыбается и тянется к чашечке с чаем. — Мужикам иногда надо позлиться.

Глава 13. Моветон

— Доходчиво разъясни этой тупой стерве, чтобы она сидела тихо, — заворачиваю грязный подгузник, кидаю его в глубь багажника и выдергиваю влажную салфетку из упаковки. — пусть не рыпается.

Артем хмурится, когда я вытираю его попку, и кривит морщинку. Та еще задачка менять подгузник сыну в багажнике. Благо, что сумка со всеми его детскими штуковинами осталась в машине.

— Насколько доходчиво? — спрашивает хриплый мужской голос.

— Без насилия, положишься на свое ораторское искусство, — застегиваю памперс, и Артем недовольно фыркает, когда я тянусь к его модным штанишкам. — Брючки все же придется надеть.

— Да я не собирался...

— Я не тебе.

— Понял. Тогда до связи.

Если у Ули получается поменять памперс за пару минут, то я вожусь с Артемом непросто долго, и эта возня меня жутко выматывает, потому что сын в такие моменты решает показать мне характер. Уворачивается, пинается, сердито агукает и всяческие высказывает мне свое презрение. Моя мать как-то раз сказала, что он в этом младенческом

бунтарстве похож на меня.

— Я все равно надену на тебя штаны, — откладываю телефон. — Тема, я тоже упрямый.

И в борьбе с грудничками важно быть нежными и аккуратными, чтобы суставчики не вывихнуть и мышцы не потянуть, и мой сын будто об этом в курсе. Насупившись, яростно сучит ножками, кряхтит и краснеет.

— Вот только не надо... — заглядываю в его глаза.

Делает вдох, открывает рот и орет. Да так орет, будто я его режу, а не одеть пытаюсь. Ко всему прочему он хочет еще и подгузник снять, чтобы точно мне показать, кто тут Альфа и, видимо, в его мире крутые мужики ходят голопопыми.

— Ну, хорош, — подхватываю Артема на руки, а он и не думает успокаиваться.

У меня в любой момент могут перепонки лопнуть от его визга, и я готов поднять белый флаг и согласиться, что необходимо сжечь все штаны на свете, лишь бы Артем затих. Шагаю вокруг машины, укачивая сына, который дико и отчаянно горланит. Мне кажется, он сейчас лопнет от своей обиды и злости.

— Да его мне, — я не сразу понимаю, что позади меня стоит Ульяна. — Он кушать хочет.

Разворачиваюсь к ней, и она уверенно забирает из моих рук Артема:

— Побыл тихим мальчиком и хватит на сегодня, да? Хорошего понемножку.

Я, если честно, ждал, что Уля кинется на меня с обвинениями, что я, например, уронил Артема или ударил, учитывая то, как он плачет, но, видимо, она различает тональности детского крика.

— И тебе бы стоило попрощаться с Викой, Валерой и Юрой, — укоризненно шепчет она и прячется в машину. — Сам меня вынудил приехать сюда, а теперь ведешь себя непонятно как.

— Я тебя просил без глупостей, — сажусь за руль и оглядываюсь. — Что ты устроила? Может, пойдешь всем растрезвонишь о нашей личной жизни?

— С этим справится моя сестра, — прижимает Артема к груди, который голодно угумкает и сосредоточенно замолкает.

— Я так не думаю. Если она сама не понимает, что надо заткнуться, то ей придется объяснить.

Поднимает взгляд, и в глазах вижу страх и то, что она хочет вступить за идиотку Жанну, которой я бы с удовольствием сам вырвал язык. Испугалась за сестру, однако обида не дает ей потребовать от меня того, чтобы я ей не вредил.

— И вы с Жанной все же похожи в одном очень неприятном качестве, — недобро щурюсь. — Ты тоже не умеешь держать язык за зубами, Уля. Я, конечно, понимаю, что ты провинциалка, и у вас это норма бегать по соседям и со всеми делиться подробностями своей жизни, но здесь это, мягко скажем, моветон.

— Моветон — спать с замужней женщиной и сестрой своей жены, — цедит сквозь зубы Уля. — Может, у тебя еще дети на стороне есть?

— Нет, — отвечаю шепотом.

— И ты так в этом уверен?

— Определенно.

— Почему бы вам двоим не развестись...

— Во-первых, Уля, я не смогу стать отцом чужим детям, — говорю спокойно, а глаза Ули округляются так, будто я кричу, — во-вторых, если я и даю женщинам шанс, то только один.

— Тогда что у вас за отношения такие нездоровые? — Уля с неприязнью кривится. — Ты с этой Леной лишь для того, чтобы эго свое потешить?

Глава 14. Только не ори

У меня в сердце будто ржавые гвозди, и с каждым ударом они входят все глубже и глубже. Я стою на кухне в полумраке, макаю в кипяток пакетик ромашкового чая и понимаю, что даже в случае полюбовного развода, который сейчас так же реален, как и единорог, я, Артём и Макар будем все равно связаны.

Он останется отцом, у которого будут полные права на сына, а это — встречи, общение и решение многих вопросов, что обязательно возникнут при совместной опеке. Я от него не избавлюсь окончательно. То есть мое желание “сбежать и исчезнуть с радаров” совершенно нереализуемо. Макар останется частью нашей с сыном жизни, и для меня это как приговор.

Он, кстати, после возвращения убрал осколки на кухне. Я поднялась с Темой в детскую, где дождалась ночи и спустилась заварить ромашки. Как мне найти с ним общий язык и убедить, что нам стоит развестись?

Или же мне переступить через себя, через свои розовые мечты и отнестись к Макару так, как он того заслуживает? Увидеть в нем денежный мешок, который обеспечит детям хорошее образование, серьезный старт в жизни и однажды оставит в наследство бизнес? Он же сам заявил, что я с ним из-за денег.

— Где может прятаться Жанна? — вздрагиваю от голоса Макара, но не оборачиваюсь, — Уля.

— Я не знаю, — откладываю пакетик чая на блюде.

— У бабушки ее нет.

— Она мне не докладывалась, — делаю глоток чая.

— А она у тебя очень продуманная.

— У меня нет желания с тобой обсуждать мою сестру, — отставляю чашку с чаем и выхватываю нож из стойки. — И ты должен это сам понимать, нет?

Отрезаю тонкий ломтик от куска ветчины. Сейчас я в силах только заесть стресс бутербродами и утопить нервы в чае. Наверное, открою себе еще баночку зеленого горошка. Имею право себя порадовать. Вот прям из банки и поем и со сметанкой.

— Может, ты хорошо подумаешь, куда могла податься Жанна? — злой шепот обжигает ухо.

На пару секунд у меня от упоминания имени моей сестры темнеет в глазах, и я вынырываю из мрака под удивленный сдавленный выдох Макара, который пятится от меня, прижав ладонь к левому боку. На белой рубашке расплзается багровое пятно.

— Макар? — шепотом спрашиваю я и опускаю взгляд.

С лезвия ножа на кафель слетает несколько капель крови и расцветают алыми кляксами.

— Только не ори, Уля, — шипит Макар и хрипло выдыхает. — Нож положи... И поднимайся к Артему...

Наталкивается на стол, кривится и опирается второй рукой о столешницу, глядя на меня исподлобья, когда я открываю рот:

— Я сказал, не ори.

А я бы и не смогла закричать, потому что мой вопль застрял в глотке большой колючкой. По телу пробегает озноб, и я роняю нож.

— Господи... — шепчу я и оседаю на пол.

— Какая семейная жизнь без поножовщины, — Макар медленно разворачивается и плетется прочь. — Боже, да я превращаюсь в Юру...

Я невидящими глазами смотрю на кровавые кляксы на кафеле, и меня начинает трясти.

— Надо вызвать скорую... — судорожно шепчу я, а затем встаю и выбегаю из кухни.

— Куда?! — Макар с рыком оглядывается на меня. — Добить решила?

— Скорую... Надо скорую...

Мне одновременно жарко и холодно. За волной пота идет волна озноба. Руки трясутся, ноги едва держат, и голова кружится. К горлу подкатывает ком тошноты.

— Повторяю, — цедит сквозь зубы. — Ты сейчас поднимешься к Артему, ляжешь спать и никуда звонить не будешь. Со скорой будет больше возни, Уля. Они ментов вызовут.

— Но...

Молча покидает столовую, шумно выдыхая, и до меня до-

летает его злой голос:

— Артем плачет! Уля!

Затем хлопает входная дверь, и я слышу приглушенный плач Артема. Несколько секунд стою, сглатываю вязкую кислую слюну, которая, кажется, немного отдает кровью, и кидаюсь на ночной и испуганный крик сына.

Глава 15. Любовь зла?

— Вряд ли органы задеты...

— Это твое экспертное мнение?

— Надо сделать снимки, чтобы быть точно уверенными...

Хотя и так видно, что только кожу задело, мышцы... Почти по касательной прошло. Кто это тебя?

— Не твое дело.

— Одно дело твоих ребят периодически штопать посреди ночи, а другое - тебя самого. У тебя проблемы?

Дергаю Диму за ворот футболки к себе и вглядываюсь в его серые блеклые глаза:

— Ты же помнишь, никаких вопросов, Дим.

Он, как обычно, под мухой, но он мастер своего дела. Кое-кому даже умудрился сохранить палец, который отрезали после неудачной партии в карты. Возможно, это лишь слухи, но Дима и правда хорош. Есть в нем божья искра, которую он пытается пропить, но пока не выходит.

В свое время его выперли из больницы с легкой руки мужа Лены. Произошла некрасивая история, которая могла запятнать репутацию “талантливого хирурга”, и повесили всех собак на Диму. Его не жалко, ведь он же не успел наработать статус “выдающегося” хирурга.

После этого Дима засел в своей квартире, организовал в одной из комнат что-то типа операционной и ушел в подпо-

лье. И надо сказать, стал любимчиком среди тех, кто не может по какой-либо причине обратиться в больницу. Заштопать, вытащить пули, подлатать, вправить кости...

— Тебе с обезболом? Или наживую?

Меня чуть не порешила жена. Скромная, милая девочка, которая мух не убивает, а старается выгнать через окно на свободу. Это хорошо, что я успел среагировать, увернуться, и лезвие вошло не в брюшину. И какие у Ули глаза были в этот момент: неживые, стеклянные и пустые.

— Да ты прям кремень...

Все рушится. Милая, красивая и скромная жена запятнала свои прелестные ручки кровью мужа-изменщика. Нет, не такая должна быть моя семейная жизнь. Это у маргиналов пьяные истерички хватаются за ножи в громких и некрасивых скандалах, а после мотают срок за решеткой.

Она совершенно не думает о сыне. Получи я от нее смертельную рану и подохни на кухне в кровавой луже, то пострадал бы в первую очередь Артём. Она бы присела лет на десять, а то и больше, потому что мои родители сгноили бы ее со свету. И никто бы слушать ее не стал о моих интрижках.

— Дура, — цежу сквозь зубы.

— Так это женская ручка постаралась? — Дима косит на меня взгляд. — И где ж ты свернул не туда, что женщины стали тебя резать, а не целовать?

— Женился.

— Тогда вопросов нет, — Дима хмыкает и кидает окро-

вавленную иглу в стальной лоток. — Жены могут и порезать, и отравить, и задушить подушкой. Или даже голову пробить молотком. Каждый раз удивляюсь тому, насколько женщины могут быть жестокими... И ведь всегда причина одна, — смотрит на меня с легкой иронией, — другая баба.

— Ты закончил?

— Ты понимаешь, что тебе повезло?

— Ты мне сейчас зачитаешь лекцию о том, как опасны ножевые ранения?

— Никаких физических нагрузок, — Дима прикладывает к зашитой ране квадрат из бинта. — Нервных женщин с ножами не нервировать. Это моя главная рекомендация.

— Ну да, это был мой косяк, когда я решил к жене с ножом сзади подойти, — накрываю лоб ладонью.

— Я бы после такого развелся.

— А я не разведусь.

— Любовь зла?

— Завали.

— Хотя есть свое очарование жить с чокнутой бабой под одной крышей, — Дима одобрительно усмехается. — Никогда не знаешь, чего от нее ждать. Перо под ребро или мышьяк в супе. Заводит, да? И спишь с открытыми глазами. Господи, Макар, ты вообще в адеквате?

— Я женился не для того, чтобы разводиться.

— А для того, чтобы помереть?

С трудом поднимаюсь с кушетки. Сажусь, выдыхаю и шу-

рюсь на Диму, который стягивает перчатки:

— Вот женишься, тогда и поговорим.

— Нет, спасибо, — хрипло смеется. — Твой пример не вдохновляет. Выпить не хочешь?

Я уже готов согласиться, как в кармане вибрирует телефон. Когда вижу на экране не имя жены, а Стаса, которого я отправил к Жанне, то чувствую укол разочарования.

— Я нашел ее.

Глава 16. Милый зайчик

— И кто же это тебя, дорогуша, разукрасил? — Дима невозмутимо отправляет в рот ложку с жареной картошкой и с аппетитом чавкает.

Жанна забилась в угол и смотрит на него диким зверьком. Под левым глазом — синяк. Сидим на кухне. Стас копается в холодильнике. Рука перебинтована заботливым Димой, потому что Жанна успела его хорошенько цапнуть за ладонь. Я чувствую глухое и тупое раздражение.

— Неужели этот урод? — Дима недовольно причмокивает.

— Сестра, — шипит Жанна, — а ты кто такой?

— Я ручной мясник Макара, — отрывает зубами кусок от ломтя хлеба. — Как хомячок, но мясник.

Жанна переводит на меня испуганный взгляд. Любит Дима поиграть в зловещего мерзавца.

— Пытать будешь?

Честно, я бы ее убил. Руки так чешутся задушить ее. Неожиданно ко мне вернулось та неприязнь, с которой я встретил ее на пороге моего дома.

— Где ты ее нашел?

— В погребе, — Стас достает из холодильника палку сервелата. — За банками с огурцами. Хороший погреб, кстати.

— Так я его, мать твою, и копал прошлым летом, — рычу

я в ответ.

— Мое уважение, — Стас скалится в улыбке. — Мне бы своей бабуле тоже надо погреб обновить.

— А за что сестра тебя ударила? — перебивает его Дима.

— Не била она ее, — цежу сквозь зубы. — Эта стерва сама себе фонарь поставила.

— Зачем?

— Чтобы бабушка пожалела.

Дима смотрит на меня и медленно моргает:

— В этом есть своя логика. Типа назло маме отморожу уши. Так, что ли?

— Что ты меня спрашиваешь?

— Это же твоя подружка.

— Она мне не подружка.

— Моя сестра — его жена, — недовольно отвечает Жанна.

Дима медленно жует, глотает, чешет щеку и шепчет:

— Вот оно как.

— Заткнись.

— Понял, — Дима возвращается к картошке, — не мое дело.

— Фотографий никаких не нашел, — Стас режет сервелат на тонкие кружочки. — Они, наверное, в телефоне, но эта гадина отказывается его разблокировать.

— Давай сюда телефон, — протягиваю к Жанне руку. — Показывай, что ты там снимала.

— Хочешь освежить память? Они у меня в облаке сохранены, — Жанна кривится.

— Показывай.

— Как ты зашевелился ради Леночки...

Дима кашляет, прижимает ладонь к губам и замирает. Косит на меня взгляд, в котором вижу вопрос: “Та самая Лена? Та самая жена Славы, который попер меня из больницы и разрушил мечту стать известным хирургом?”. Кроме этого длинного вопроса я замечаю в его глазах еще и злорадство.

— Да подавись, — Жанна вручает мне смартфон. — Два, два, ноль, три.

Через минуту я листаю фотографии, которые сняты будто из жопы бегемота. Они размытые, нечеткие и совершенно непонятно, кто там в машине сосется. И только на последнем снимке можно узнать меня. Голова запрокинута, глаза закрыты, а Лены в кадре нет, потому что она занята делом.

— И сколько ты хотела вот за это? — поднимаю взгляд на Жанну, которая поджимает губы. — Ты серьезно? И Лена купилась? Мало, что ли, на свете блондинок?

Да, муж-то, возможно, свою женушку узнает по одежде, прическе, но для остальных фотографии неинформативные, кроме моей рожи и номера машины. И то, кто-нибудь может состряпать на коленке фотографии получше и покачественнее для шантажа.

Подпираю лоб кулаком и медленно выдыхаю:

— Кому ты хотела эти фотографии отправить?

— И так ведь ясно. Мужу твоей ненаглядной Леночки.

— А дальше что?

— Ну...

— Может, у тебя есть еще что-нибудь? — поднимаю взгляд. — Я как-то разочарован, и не совсем понимаю, чего ты добиваешься. Или ларчик просто открывается? Ты решила развести меня на бабки?

— Я думала, что мы будем с тобой, Макар, а теперь я просто хочу... Не знаю, чтобы все знали какой ты урод?

Дима шумно втягивает чай, переводит взгляд с меня на Жанну и обратно.

— А ты у нас милый зайчик, которого все обижают? — приподнимаю бровь.

— А я хотя бы не замужем, — капризно ведет плечиком.

— Зато как сестру через колено бросила, — хмыкаю я. — самого близкого человека. Ближе человека не будет, Жанна. Бабку ты-то зачем против нее настроила?

— Давай так, — Жанна поддается в мою сторону, чуток осмелев. — Ты мне ежемесячно кидаешь на счет тысяч двести, и твоя Лена дальше играет роль хорошей жены.

— Так ты еще меня решила на счетчик посадить? — я не могу сдержать смеха. — Ты под веществами? — понижаю голос до шепота. — А давай так. Ты отправляешь фотографии, раз тебе так хочется мне поднасрать, и посмотрим, что прилетит тебе в ответ? Я тебе могу устроить пансион с полным проживанием и питанием.

Жанна недоуменно хлопает ресницами.

— Перевожу, — Стас подносит бутерброд из хлеба и колбасу ко рту, — на нары тебя отправит. У девочек, конечно, там не так страшно, но приятного тоже мало.

Встаю, застегиваю окровавленную рубашку и недоумеваю, как я мог наскочить на такую безмозглую идиотку, которая продолжает и продолжает скалить на меня зубы.

— И мне вот любопытно, — невесело усмехаюсь я. — Станет ли Уля тебе передачи носить?

Глава 17. Теперь ты кто?

А если Макар умер? Истек кровью по дороге или потерял сознание, врезался в столб и погиб? Я тогда убийца. Да в любом случае я совершила преступление. Я воткнула нож в живого человека. Да, под всплеском эмоций, но это все равно страшно: я не контролирую себя, во мне сидит жестокость и я могу быть опасной. Господи...

Если я убила мужа, то место мне за решеткой. И я потеряю сына. Его точно у меня отнимут родители Макара. Да я бы сама так поступила, и мне было бы все равно на то, что невестка затыкала ножом моего сына из-за отчаяния и ревности. Полощу кровавую тряпку в теплой воде, а затем прячу все ножи в нижний ящик. Как я могла? Может, я и Жанну ударила, но этого не помню?

— Уля, — раздается голос Макара, и я испуганно оглядываюсь.

Я прикусываю язык, чтобы не закричать. Я будто увидела призрака. Кажется, я Макара похоронила в мыслях и смирилась с тем, что меня ждет грязная и темная камера в тюрьме, а он живой. Бледный, движения немного скованные, но все такой же презрительный и высокомерный.

— Ты, что, разочарована, что я жив?

Проходит мимо, открывает верхний ящик и достает стакан. Едва заметно кривится и наливает воды из-под крана:

— Ты можешь понадеяться на заражение крови, как вариант.

Разворачивается ко мне и невозмутимо пьет воду крупными глотками, насмешливо вглядываясь в мое лицо. Вот уж точно: ему ссы в глаза, а он — божья роса. Так говорила моя бабушка. Какое хорошее и емкое выражение.

— Я ведь тебя чуть не убила...

— Ну, не случилось.

— Ты нормальный вообще?

— Это не я на тебя с ножами кидаюсь, Уля, — с тихим стуком отставляет стакан и щурится. — Может, тебе к психиатру?

— Это угроза?

— Пока нет, но у тебя явные проблемы, моя милая.

— И источник этих проблем ты, Макар, — шепчу я и выдыхаю через нос. — Ты. Я не хочу быть с тобой, а ты меня держишь рядом угрозами забрать сына.

— И после случившегося я укрепляюсь во мнении, что, возможно, я прав, — вскидывает бровь. — Накроет тебя, дорогуша, от криков Артема и ты его подушкой задушишь в порыве неконтролируемого гнева?

— Не говори такого... — отступаю. — Не смей... Я люблю сына...

— Я думаю, что у тебя послеродовая депрессия, Уля, — Макар разминает шею, будто готовится к драке. Взгляд холодный и пронзительный. — Многие женщины сталкиваются

ся с этой проблемой.

— Не переворачивай все...

— Вероятно, отчасти в этом есть моя вина, — клонит голову набок. — Что-то я не подумал нанять няню.

Я аж всхрапываю от возмущения. Так у нас тут проблема в отсутствии няни?

— Ты бы и няню оприходовал, — сглатываю кислую слюну. — Ты же у меня мужик горячий, темпераментный и тебе все мало. Да вот только я как-то твоего темперамента не заметила.

Кажется, я слышу, как он поскрипывает зубами от злости. Если я хочу сохранить разум чистым и не нырять в черную ярость, то не буду сдерживать в себе слова, какими бы они ни были гадкими и противными. И скромная Уля не должна говорить подобного, но молчать сил нет.

— И вот ладно бы я отмахивалась от тебя, избегала близости... да, вырубалась после ночных истерик нашего сына, была потерянная от недосыпа, но... — улыбаюсь, презрительно прищурившись, — я бы была рада твоему темпераменту, Макар. Я не фригидная стерва, у сахара между ног. Ничего подобного. Я тебя всегда хотела. А как не хотеть-то, да? Ты же вон какой, — окидываю его оценивающим взглядом и поднимаю глаза. — Поджарый, красивый и осанистый мужик, у которого и внизу все очень и очень неплохо. Прямуххх... Но я-то тебе как инкубатор нужна была. Тупая рожалка, но еще чтобы любила. А то раздутое эго не почесать,

да? В твоей картине мира жена обязана любить мужа?

Молчит, на щеках желваки играют, а нижняя челюсть чуть вперед выдвинута. Его фамилия, которую теперь ношу я и мой сын, очень ему подходит. Реально разъяренный бык, а я — взбешенная курица.

— Но любила я тебя, — делаю шаг и вглядываюсь в глаза, — не тем, кто ты есть, Макар. Ты был для меня мрачной загадкой, сложным ребусом, холодным красавцем, которого я хотела согреть. А теперь ты кто?

Глава 18. Спектакль

— Я твой муж, — говорит Макар с привычным ему пренебрежением.

— Я тебе не буду нужна такой, как сейчас, — желаю шаг и заглядываю в глаза. — Такой, которая сыграет по твоим правилам. Нет. Тебе не была нужна девица, которая согласится быть с тобой рядом с осознанием того, что этот брак, по сути, фикция. А это фикция. Так было для тебя, теперь и для меня. Не хочешь разойтись с миром и остаться просто родителями Артема? Хорошо, — мило так улыбаюсь. — Нет у меня сейчас варианта с тобой бороться, кроме того, как убить тебя, но я в тюрьму и быть убийцей не хочу.

— Как ты заговорила.

— Заговорила на твоём языке, — взгляд не опускаю. — Это моя ошибка, что я решила, что мужик твоего финансового уровня может быть приличным и честным человеком. Мы не в сказке живём. И с тобой рядом выживет не наивная Золушка, а Ведьма. Давай мы с тобой теперь очертим наши границы отношений.

— Ты мне будешь тут ещё условия ставить?

— Ты меня извини, конечно, но ты сам в своей игре налажал, — зло щурюсь. — Допустил то, что я узнала о твоих изменах. И с этим знанием я не могу быть милой, влюбленной девочкой. Уж это ты должен понимать, мой дорогой

муж. Как вариант, отправь меня на лоботомию.

— Это точно не вариант. Слюни будешь пускать, — цедит сквозь зубы.

Мне тяжело сейчас разговаривать с Макаром. Сердце едва бьется, ладони вспотели, и волнами подкатывают слезы, которые я с усилием воли сглатываю.

— Твоя первая обязанность, как мужа и отца, содержать семью. С этим ты справляешься. Участие в воспитании сына, конечно, приветствуется. Мне не отменить того, что ты, как и я, родитель Темы, а он заслуживает того, чтобы его папа с ним был адекватным. Уж к нему-то у тебя есть теплые чувства и привязанность?

— Что за вопрос? — чеканит каждое слово.

— Возможно, он для тебя просто кукла и ширма. Ничего. И такое бывает. Это сыграет против тебя в будущем, но сейчас я не должна беспокоиться о твоей старости и натянутых отношениях с сыном. Ты меня поставил в безвыходное положение. Ты либо оставишь его без матери, либо будешь просто папой-кошельком. Я, как взрослый человек, в данной ситуации выбираю вариант с любящей матерью и отцом-придурком, потому что вырасти без мамы, без ее заботы в младенчестве грозит более серьезными проблемами для его психики. Странно, что мне приходится объяснять такие прописные истины, но ты туговат, учитывая то, что отымел мою сестру.

— Тон смени.

— Нет. Для полной картины можешь теперь еще и ударить меня, чтобы точно закрепить за собой роль тирана.

— Это по твоей части. Может, ты все-таки Жанну ударила?

— Стоило, — обнажаю зубы в улыбке. — Сейчас бы ударила, но не из-за того, что она потаскуха, а за ее слова и ложь перед старой бабушкой. И, кстати, тебе все равно придется обеспечивать и ее лечение, сиделку, когда она сляжет.

— Даже так?

— Ты же не даешь мне возможности строить свою жизнь отдельно от тебя. Развод и бабуля только моя ответственность. А если нет, то готовь кошелек. Ты покупаешь меня, покупаешь красивую картинку семьи, а в этой картинке Быков Макар заботится о бабушке жены, ведь он не сволочь бессердечная, а приличный семьянин, который и дом ей отремонтирует, сарай новый построит, и куриц каких-нибудь породистых подарит на день рождения. Прелесть, правда? И ты ведь этим и занимался, только вот сейчас я буду знать, что это плата за то, что я твоя жена, и что это только роль для публики, соседей и прочих людей. Господи, Макар, тебе самому от себя не тошно? Вся твоя жизнь — обман. Ты понимаешь, что можно быть хорошим человеком без всего этого? Это тебе надо к психотерапевту.

В изумлении касаюсь своей щеки и продолжаю:

— Ты столько сил прикладываешь, чтобы кругом всех обманывать. И ты ведь несчастлив в своем спектакле. Ты дол-

жен был жить с любимой женщиной, рожать с ней детей, а ты... Хотя мне все равно.

Разворачиваюсь и шагаю прочь. Я не должна копаться в голове Макара, пытаться его понять и добиваться от него осознания того, что он проживает не жизнь, а лишь сценарий, в котором не найти счастья.

— А со словами ты управляешься куда лучше, чем с ножом.

Глава 19. Оладушки любишь?

Я без понятия, справлюсь ли с ролью холодной стервы, которая ставит перед мужем условия, но выхода у меня нет. Макар загнал меня в клетку. Кидаться на него и биться о толстые прутья моей ловушки бессмысленно, но я точно знаю, что моя любовь льстила ему.

Он ее принимал. Он меня ни разу не отталкивал, когда я к нему лезла с объятиями, глупыми разговорами и с прочими “мур-мур”. Не одергивал. Не скажу, что прям наслаждался. Относился ко мне снисходительно-умилительно, как к ласковой кошечке. И это ведь очень приятно, когда к тебе в кабинет просачивается женушка, ставит кружку с чаем, целует и тихонько уходит, чтобы не мешать важному разговору по телефону.

Никакого ему теперь чая с протеиновым кексиком, ведь он следит за фигурой, тратит время в тренажерном зале и очень строг в своей диете. И как же я задолбалась изворачиваться в меню, чтобы наши ужины и завтраки были сбалансированными, питательными и здоровыми. Спасибо мне, что у меня хватило ума хотя бы не настаивать на том, чтобы не носить ему на работу обеды.

А я могла. У меня проскальзывала такая мысль, что забежать к нему в офис с обедами было бы очень романтично. Я бы ему морковочку сердечками вырезала, например. Ему

сердечки, а себе обрезки.

— Я вас устраиваю? — спрашивает Дина, выдергивая меня из накатившей злости.

Сегодня мы спали в разных комнатах. Он в спальне, а я в детской. Заглянул утром, потискал Артема и ушел. Без завтрака. Наверное, он еще предъявит мне свои претензии, но он же должен их сначала обдумать, чтобы выкатить мне список обязанностей хорошей жены.

— Ульяна...

Я же, в свою очередь, позвонила Вике и сказала, что мне нужна няня и помощница по дому. Вот пришла няня на собеседование. Она из того же агентства, что и Мария, которая работает у Вики. Я уже жалею о своем решении, потому что моя стервозность истончается, и я боюсь доверить сына чужой тетке. Да, она приятная, замечательные рекомендации, и Мария заверила, что Дина — хорошая женщина, но... Мне страшно.

— Я не знаю, — наконец отвечаю я, и Дина улыбается, отчего в уголках глаз расцветают тонкие морщинки.

— Возможно, мне стоит еще пройти интервью с вашим сыном?

— Он спит.

— Будить не будем, — Дина встает, оправляет юбку и откладывает сумку на кресло. — Я вам пока завтрак приготовлю.

— Что? — непонимающе моргаю.

— И вам стоит вздремнуть, — внимательно вглядывается в глаза, а затем подхватывает плед, встряхивает им и едва заметно хмурится, — вот прям на диване ложитесь.

— Что?

— Ложитесь.

Голос становится строже. Не злым и недовольным, а по-матерински строгим. И вот вопрос: а няню я решила кому нанять, раз сейчас послушно опускаю голову на подушку?

— Ко мне можно на ты.

— И ко мне, — накрывает пледом и проводит рукой по плечу. — Я буду мышкой.

Закусываю губы и зажмуриваюсь, чтобы не расплакаться. Меня в очередной раз накрывает. Посторонний человек проявил чутку заботы, и готова залить тут все слезами.

— Оладушки любишь?

— Люблю, — тихо и дрожащим шепотом отвечаю я. — У меня еще варенье от бабушки есть. Малиновое, — почти срываюсь на писк, — домашнее...

— Поняла. Спи.

— Спасибо...

— Могу колыбельную спеть.

Кошу на Дину недоверчивый взгляд. Она издевается?

— Будет частью нашего собеседования. У няни должен быть приятный и убаюкивающий голос, — улыбается без тени насмешки.

— Я к такому пока не готова, — неуверенно отвечаю я.

— Я же не ребенок.

— Все мы дети, Уля, — накрывает плечи пледом. — Все, без исключения.

Глава 20. Будем дружить

— Моя жена тебе стерву знатную загнала в дом, — Валерий заходит в кабинет без приветствий и без лишней суеты. Падает в кресло напротив стола и вытягивает ноги. — Взво-
ешь.

— Ты о чем?

— О няне, — скалится в улыбке, в которой сквозит легкое злорадство.

— Прости? — откладываю бумаги.

— Теперь у вас будет няня.

— Я все еще не понимаю.

— И я делаю акцент, что именно у вас будет няня, а не у твоего сына. У вас.

Молчание, которое длится целую минуту. Бок ноет, нарастает раздражение на высокомерного гостя, который ворвался ко мне без предупреждения. Конечно, это мог быть Юра, но и Валерия я тоже не ждал.

— Рожа у тебя кислая, — говорит он и закидывает ногу на ногу. — Даже хуже, чем вчера.

— А у тебя слишком довольная.

— Почему мне таким не быть? Любимая жена, красавица-дочь и торги на бирже радуют. Или ты из-за няни так раскис?

— Валер... — сжимаю ручку.

— У меня с нашей няней тоже были свои сложности, — игнорирует в моем голосе недовольство. — Я, если честно, подозреваю, что у них все агентство специализируется на тетках, которые обожают детей и мам, но презируют отцов.

— Я не нанимал няню...

— Наймешь.

— Не понял.

— Твоя жена позвонила моей жене, Макар, и сказала, что срочно нужна няня.

— Да твою ж...

— Это не мое дело, что у тебя в семье происходит, — Валерий щурится, и я понимаю, что Ульяна сдала меня с потрохами семье Пастуха, — но дело есть моей жене. Она у меня решила стать старшей подругой Уле. Улавливаешь, к чему я клоню?

— Что тебе стоит намекнуть своей жене не лезть к моей?

— Увы, — разводит руками в стороны. — Я теперь подкаблучник.

— Ты сейчас серьезно?

Смартфон на столе вибрирует, и высвечивается имя Лены. Валерий улавливает мой гнев и с ожиданием покачивает носком туфли.

— Ты ответишь?

— Нет, — выключаю телефон и перевожу взгляд на него.

— Подкаблучник, значит?

— Ага, — Валерий усмехается. — Ты только никому об

этом не говори. Это секрет.

— Мне в моей жизни хватает одного Юры.

— Все мы однажды приближаемся к тому состоянию, когда приходится стать Юрой, — Валерий смеется. — Может, мы все немного Юры. До определенного момента этот Юра спит...

— Прекрати.

— И моя жена стала Юрой. И, кажется, твоя тоже на этом пути, — Валерий неожиданно становится серьезным. — Я прав?

Облокачиваюсь о стол одной рукой, подпираю лицо ладонью и устало вздыхаю:

— Это не твое дело и проваливай.

— Развод маячит? — Валерий стучит пальцами по подлокотнику.

— Нет.

— А есть смысл?

Развод — не решение. Не для меня. Я женился не для того, чтобы потом развестись. Возможно, я и живу по сценарию, но это мой сценарий, и в нем нет алиментов, судов, развода и совместной опеки над сыном. Да, я теряю контроль, и меня это раздражает до тупой головной боли. Уля выскальзывает из рук, огрызается и пытается переломить ситуацию в свою сторону.

— Мне охрану позвать? — с тихой угрозой спрашиваю я.

— Не позовешь, — смеется. — Ты всегда стараешься со-

блюдовать приличия. И я ведь не случайный мужик, который пришел к тебе на аудиенцию. Меня ты не спустишь с лестницы, как и я тебя. Вот и приходится вести неприятные разговоры. И если наши жены будут подружками, то и мы будем вынуждены дружить. Засада. Я тоже не очень рад этому. Я бы остановился на деловом партнерстве, без лишних подробностей и тревожных разговоров по ночам с женой, которая волнуется об Ульяне. Друзья же... они же часть семьи, Макар. Я поэтому не дружу ни с кем, чтобы не было таких встреч. Они утомляют, но, как сказала моя жена, без дружбы жизнь неполная.

— Она тебя реально под каблук загнала.

— И там довольно уютно, — смотрит на наручные часы и поднимает взгляд. — У меня есть еще сорок минут на обед. Присоединишься?

Глава 21. Наша новая няня

Поела оладушков, покормила Тему и опять спать. Сын, конечно, с небольшим подозрением отнесся к Дине, когда та его взяла на руки, вежливо представилась и поменяла подгузник. Хмурился, рожицу удивленно кривил, нос морщил, но так и не заплакал.

Я вынырываю из сладкой дремоты, зеваю, потягиваюсь и только потом понимаю, что в кресле сидит мрачный и молчаливый Макар. Я не нахожу ничего лучше, как перевернуться на другой бок к нему спиной. Натягиваю на плечи плед и закрываю глаза.

— Ты серьезно?

— Что тебе опять не так? — шепчу я.

— В детской чужая тетка с нашим сыном возится.

Ловлю себя на мысли, что лучше бы не просыпалась. Я все еще не хочу воспринимать реальность с неверным мужем, стервой-сестрой и своей беспомощностью перед деньгами.

— Эта наша новая няня, — вздыхаю я.

— Во-первых, такие вопросы надо обсуждать, а, во-вторых, Уля, с чего ты так просто доверилась постороннему человеку? — тон у Макара тихий и гневный.

— Я готова и с вами обсудить вопрос моего найма, — раздается спокойный голос Дины.

— Со мной это и надо обсуждать, потому что платить за

ваши услуги буду я, — сердито и высокомерно отвечает Макар. — Вы же пришли сюда не по доброте душевной.

— Нет. Я пришла за работой.

— Вот и выходит: кто платит, тот и музыку заказывает, — язвительно отзывается Макар.

— Только за этим “платит и заказывает” вы упустили, что жена у вас истощена морально и физически.

— И такой тон перед потенциальным работодателем?

— Да я привыкла быть честной. В том числе и перед работодателями. Это одно из моих основных достоинств, как няни. И да, я вам прямо говорю, что вам нужна няня, потому что жена ваша не вывозит. Ваше полное право прогнать меня, но я нашла контакт с матерью и ребенком.

— Но вы не озаботились найти контакт со мной.

— В системе “я вам плачу” наш контакт сведется к тому, что мы подпишем договор, и в дальнейшем наше общение станет минимальным. Ваша обязанность платить мне зарплату, моя — заботиться о ребенке и помогать его маме, — голос у Дины ровный и официальный.

— Вы мне не нравитесь.

— Я или моя честность?

Я не выдерживаю и сажусь, укутавшись в плед. Лицо у Макара такое, будто он сейчас разорвет на клочки Дину, которая держится отстраненно и холодно.

— Ваша честность на грани хамства.

— То есть вы предпочли бы ложь на грани лизоблюдства?

— Дина приподнимает бровь.

— Она мне нравится и она останется, — вздыхаю я и тру левый глаз. — И, Макар, тебе действительно нет нужды налаживать контакт... — многозначительно вглядываясь в его лицо, — как ты привык.

— Ты хамишь, Уля.

— Артёму она понравилась, — тихо отзываюсь я.

— И какова вероятность, что моя жена в союзе с честной няней не начнет настраивать сына против меня?

— У меня нет такой цели, Макар, — не отвожу взгляда. — И против хорошего отца не сработают никакие ухищрения двух коварных женщин.

— И в моих интересах быть отличной няней, чтобы в будущем от вас получить положительную рекомендацию, — Дина вежливо улыбается.

— И вы хотите сказать, что с вашей честностью, у вас хорошие рекомендации? — Макар вскидывает бровь.

— Более того, у вас есть право позвонить не только в мое агентство, но и предыдущим семьям, с которыми я работала.

— Я хочу взглянуть на ваши рекомендации, — макар в повелительном жесте протягивает руку и встает.

Вручаю ему папку, которая лежала у него под носом на столике, и вновь откидываюсь на мягкую спинку дивана. Я не ждала, что он с восторгом примет мое решение нанять няню, но все же удивлена, что он не выгнал Дину после ее наглой честности. Вся наша беседа была в шаге от громкого

скандала с угрозами, оскорблениями и криками.

— Поднимитесь в мой кабинет через пятнадцать минут,
— Макар размашисто шагает прочь. — Изучу бумажки, сделаю несколько звонков, а после уже вернемся к обсуждению вашего оклада и обязанностей.

— Принято.

Когда его шаги затихают, я перевожу взгляд на Дину, которая вздыхает:

— И каждый раз одно и то же. Каждый из них бухтит.

— Каждый? — удивленно переспрашиваю я.

— Да, — садится рядом, приглаживает юбку на коленях.
— Всячески показывают, какие они важные, а, по сути, просто копия своих детей.

— Неправда, — возмущенно шепчу я.

— Тёма с его интонациями фыркал и ворчал на меня, — Дина легко и беззаботно посмеивается. — И взгляд один в один. Всегда удивляюсь тому, как детки похожи на родителей, — смотрит на меня. — А улыбка у него ваша.

— Я хочу, чтобы вы остались.

— Если я еще тут, то останусь.

И приглашаю вас в свою новую новинку "Бывший. Ворвусь в твою жизнь" <https://litnet.com/ru/reader/byvshii-vorvus-v-tvoyu-zhizn-b444159?c=5064251>

Глава 22. Я не хочу вас нанимать

— Она профессионал своего дела, — вещает мужской голос и смеется. — И кроме няни побудет свекровью. Дина периодически выводила меня из себя...

— И эти слова можно воспринимать как положительную характеристику?

— В рот не будет заглядывать, — отвечает мой собеседник, — но нам этого хватает и от других, верно? Если еще няня начнет лизать зад, то можно свихнуться.

— Почему вы прекратили с ней сотрудничество?

— Переехали в другой город. Звали ее с собой. Я обещал оклад удвоить, а она ни в какую. Пытался даже угрозами... Короче, не советую. Передай, что мы тут скучаем. Особенно по ее медовику.

Гудки, и я откладываю телефон. Дина не тот человек, которого я хочу видеть в своем доме. Если честно, то я сейчас к любой няне не готов. Я полон раздражения, злости и желания разнести тут все в щепки.

Стук, и отстраненный голос Дины:

— Я могу войти?

— Да.

Бесшумно входит и садится передо мной с прямой спиной.

— Все ваши бывшие семьи невероятно по вам скучают,

однако все эти восторги сводятся к тому, что вы стерва, Дина.

— Кто-то предпочитает тихих и милых нянь, которые глазки тупят в пол, а кому-то в жизни не хватает тетки, что не лебезит, а ведет себя на равных. И в этом есть свой плюс. Я стрессоустойчивая, и меня не выбивают из колеи, например, скандалы. И я могу поучаствовать в них...

— Невероятно, — откидываюсь назад.

— Третьей стороной, которая может привести в чувство, — невозмутимо продолжает она. — Орать, как базарная бабка, я не стану, или настраивать одного члена семьи против другого. И выносить сор из избы.

— Интересно.

— Особое внимание в договоре уделено соблюдению конфиденциальности. Конечно, если мы не столкнемся с насилием в семье. В этом случае я буду вынуждена...

— Как насчет ножа в бок? — вскидываю бровь.

— Что? — Дина недоуменно моргает.

— Допустим, жена воткнула нож в мужа? Ваши действия?

Гнев отходит в сторону, уступая место любопытству. Все видят в Улиточке милую, скромную и зашуганную девочку, а она может удивить неожиданной вспышкой ярости.

— Вызвать скорую...

— Неверный ответ, — цыкаю я.

Минута молчания, и брови Дины ползут на лоб.

— Вы хотите сказать, что Ульяна...

Я в ответ лишь усмехаюсь.

— Довели, — подытоживает Дина и скрещивает руки на груди.

— Вот как?

— И раз вы тут сидите и улыбаетесь, то она вас просто поцарапала, но я считаю, что на мужика бесполезно кидаться с ножом...

— Так, — в ожидании постукиваю пальцами по столешнице. — Очень любопытно, чем вы меня удивите. Сковородкой? Скалкой?

— Никакого физического контакта, — Дина холодно улыбается. — Это самый действенный способ вправить мозги мужику.

— Простите? — теперь я недоуменно моргаю.

— Вы меня прекрасно поняли.

— Подождите... — смеюсь и подношу руку в изумленном жесте к подбородку. — Это такой вы совет дадите моей жене?

— Увольте. Я думаю, что вас уже не подпустят к себе. Я могу лишь догадываться о причинах, но думаю, что взгляд вашей жены будет знаком множеству женщин.

— Вы много болтаете.

— И этот разговор нужен не мне, а вам, Макар. Я бы предпочла подписать договор и заняться вашим сыном, но его время занимаете вы. И вот сейчас я как раз и выступаю третьей стороной в вашем с женой конфликте. И будьте увере-

ны, что если бы озаботились моим наймом раньше, не было бы ножа в вашем боку, — тон официальный и спокойный.

Меня подкупает в Дине то, что в ее глазах нет того осуждения, которое обычно свойственно женщинам, когда они узнают некрасивые секреты о других людях. Она знает, что в каждом из нас есть темная сторона, от которой она не отворачивается, не прячется под презрением и неприязню.

— Я спал с ее сестрой и у меня есть любовница.

Я должен толкнуть Дину к отвращению и гадливости. С этими чувствами она не сможет работать на меня. Из нескольких звонков ее предыдущим хозяевам я вычленил не только то, что она стерва, но и то, что она довольно тепло относилась к главам семейств. Ей должно быть относительно комфортно с каждым членом семьи, чтобы она задержалась в доме.

— Ну и дурак, — подытоживает она и взгляда не отводит.

— Что?

— Я могу спросить, зачем на сестру полез, — она хмурится, — однако это придется слишком глубоко копать, а я няня, не психолог. Образование у меня, конечно, тесно связано с психологией, но это не мой профиль.

Я хочу одновременно вышвырнуть ее из своего дома и добить откровениями о том, какой я моральный урод. Она должна взорваться в моем кабинете омерзением, закидать меня оскорблениями и попытками воззвать к совести и пристыдить. После она бы кинулась прочь в желании защитить

хрупкую крошку Ульяну от мерзавца и деспота. Я жду от нее громкой суеты, но она сидит передо мной спокойная, как многовековая скала, с которой не раз прыгали самоубийцы.

— Я не хочу нанимать вас.

— Я понимаю. Хочется в своем уютном котелке бурлить без посторонних. И вы лукавите. Вы уже приняли решение нанять меня, если не позвонили в агенство и не попросили отозвать меня с возмущениями о том, что к вам явилась хамка.

Ставлю размашистую подпись на двух копиях договора. Поднимаю взгляд и протягиваю ручку Дине:

— Вы сами в наш котелок прыгнете?

Встает, выхватывает ручку и выводит аккуратную подпись.

— Я думаю, что вы хотели того, чтобы Ульяна узнала о ваших изменах, — откладывает ручку, забирает один из договоров и неторопливо выходит.

Глава 23. Разве я так смогу?

— Вещи я завтра перевезу, — Дина оглядывает гостевую комнату, которая теперь станет ее, — их у меня немного, — подходит к окну и как бы между делом говорит, — одна моя знакомая села в тюрьму за убийство мужа.

Разворачивается ко мне и слабо улыбается:

— Несколько ножевых. Адвокат давил на состояние аффекта, что было правдой, ведь она очень милая и доброжелательная женщина, но суд решил иначе.

Я прячу руки за спину и поджимаю губы.

— И она сломала себе судьбу. И не годами заключения, а тем, что ей придется жить с осознанием того, что она лишила человека жизни.

— Он не должен был рассказывать вам этого...

— Тебе повезло, Ульяна, — говорит мягко. — Да, гнев обманутой женщины пропорционален ее любви к мужчине... — замолкает на секунду и говорит, — нет, я неправильно выразилась. Пропорционален ее влюбленности. Любовь и влюбленность - это все же разные вещи.

Я недоуменно вскидываю бровь.

— Не удивляйся, — она смеется. — Это на волнах влюбленности у нас отключается мозг.

— Если ты сейчас скажешь, что любовь всепрощающая, принимающая и жертвенная...

— Нет. Я скажу то, что любовь женщины к кому-то измеряется любовью к себе, — Дина подходит ко мне и берет за руки, заглядывая в глаза. — Нельзя кого-то любить, если себя не любишь. Влюбиться можно. До порхающих бабочек в животе, до слабых ног и сбитого дыхания, но не любить.

— Я не совсем понимаю, к чему ты ведешь... Ты хочешь сказать, что я должна понять, простить?

— И ты опять делаешь акцент не на себе, а на муже. Кому ты сделала хуже своей истерикой? Ты не ему хотела навредить, а себе, чтобы перебить боль другой проблемой. Упал он мертвым к твоим ногам, его бы измены померкли, стали тусклыми и полной ерундой, ведь хуже измен только смерть, так?

Я неуверенно киваю:

— Да.

— И что это за глупости? — Дина приподнимает бровь. — Это он изменяет, Уля. И это он совершает ошибки, он ныряет в грязь, он не уважает женщин, а не ты. Его измены не делают тебя хуже или лучше.

— Он меня предал.

— И? Опять он, а где ты?

— Я та, кого он обманул.

— Ты меня извини, конечно, — Дина хмурится, — но твой муж, кажется, не из тех, кто привык лить в уши речи о вечной любви и преданности.

— Так это я виновата? — я хочу вырвать руки, но Дина

крепко меня держит.

— Если бы ты себя любила, то вышла бы за него замуж? Если бы ты была женщиной, которая знает себе цену, свои достоинства, то ты бы вступила в брак с Макаром?

— Я хочу уйти...

— Нет, — Дина стискивает мои руки крепче. — Представь себя такой, какой я тебя описала.

Я медленно выдыхаю. Накатывает липкая волна страха. Моя няня — маньячка, которая режет не ножом, а вопросами.

— Ты, — шепчет она, — Молодая, красивая, уверенная в себе. Ты знаешь, что ты большая умничка при любых обстоятельствах...

К горлу подкатывает ком слез и я пытаюсь его сглотнуть, но не выходит. Взгляд размывается от слез.

— Ну? Влюбилась бы ты в Макара?

— Нет...

— А я думаю, что могла бы влюбиться, но это при иных обстоятельствах и поведении Макара, но эта бы влюбленность была другой, Уля, без отрыва от себя, как личности, которая бы в ответ тоже ждала тех же чувств. Тех же горящих глаз, того же безумия. Это вопрос эгоизма, Уля. И вот когда твое эго насытилось бы встречами, близостью, страстью, тогда бы могла прийти любовь, которая, кстати, не только отдает, но многое требует взамен.

— Я должна любить себя?

— И не назло Макару, Уля. Не надо жить так, чтобы его укусить, уколоть и выбесить. Ты ведь к этому пришла?

Я опускаю взгляд. Именно. Я и у Вики спросила про няню, чтобы показать Макару, какая я самостоятельная и сильная. Не для того, чтобы разгрузить себя, найти человека, с которым я смогу поболтать. Я хотел ткнуть Макара, что я вышла на тропу войны.

— Ситуация сложная, но даже в ней ты можешь, наконец, понять, кто ты есть, чего ты ждешь от жизни и жить с оглядкой не на Макара, а на себя и сына. Любое решение важно принимать с точки зрения того, чего ты хочешь. Например, сделать ту стрижку, которую ты всегда хотела, а не ту, которая понравится кому-то. Пусть Макар тут сычем недовольным ходит. Тебе какое дело? Решил пойти налево? Да иди ты, милый, куда хочешь, а у меня тут сериал и тарелка котлет, которые я с удовольствием съем. Не надо от него добиваться развода, тыкать в него палкой, и живи уже так, будто ты в разводе. Он твой сосед, с которым тебе не повезло.

— Но...

Разве я так смогу? Смогу ли заглянуть в себя, разобраться с тем, кто я есть и поменять установки, которые говорят, что после предательства нет жизни? А есть только слезы, неуверенность в себе, злость на весь мир и желание закрыть глаза и не просыпаться? Как мне отделиться от Макара, от его измен, когда я увязла в нем и он был для меня всем миром?

— Жить не назло, а для себя. Повтори.

Она меня не отпустит, пока я не выполню ее тихий и ласковый приказ. Возможно, даже закроет под замок.

— Жить для себя, — хрипло отвечаю я, замолкаю и шепчу. — Вот Макар так и живет...

— К черту его, — обхватывает лицо теплыми ладонями. — Он свою жизнь живет, а ты - свою. И у меня вопрос. Чего ты сейчас хочешь?

Глава 24. Кто бы это мог быть?

Поужинать в тихом кафе греческим салатом и вафлями под шоколадным сиропом — кайф. Я так награждала себя, когда работала. Раз в месяц. В день зарплаты. Это была моя награда. Рядом в коляске посапывает Артём, напротив сидит Дина и отправляет в рот последний кусочек шоколадного кекса.

— Это и есть часть меня, — делаю глоток ягодного чая.
— Часть меня, когда я была одинокой.

— И надо сказать, неплохая часть, — Дина улыбается и вытирает губы салфеткой. — Вкусная часть.

— При собеседовании я не уточнила кое-что...

— Замужем ли я, есть ли дети?

Киваю.

— Дочка учится на первом курсе в художественном, — Мягко улыбается. — Я бы отдала ее в юристы, но она уперлась рогом, что хочет рисовать. Это она в отца пошла. тот тоже художник. Надеюсь, его страсть к спиртным напиткам она не унаследовала, — глаза ее становятся мечтательными, — какие пейзажи рисовал, Уля... Талант от бога, а сколько в нем было романтики, но в основном все эти красивые порывы, на которые я купилась, были под градусом.

— Вы развелись?

— Долго разводились. Разбегались, сбегались, скандали-

ли и опять расходились. Однажды я добилаь от него твердого обещания не пить.

— И?

— Пролечился, закодировался, и вот оно счастье, да?

— Да, — неуверенно отвечаю я.

— А трезвым он скучный, занудный, вечно недовольный брюзга. И именно трезвым он выжрал меня до доньшка. Какая ирония, да?

— И он опять пьет?

— А вот ничего подобного, — Дина смеется. — Прорабом на стройке сейчас работает и ковыряет ложкой мозги строителям и начальству.

— А рисует?

— Увы, — Дина печально вздыхает. — Я смогла сохранить пару его ранних картин и только. Кстати, я хочу их повесить в комнате. Можно?

Опять киваю и тихо спрашиваю:

— Так ты любила лишь одну версию вашего бывшего мужа?

— Я его люблю, и я думаю, что он меня тоже... Ведь он до сих пор держит свои слова “я брошу пить, потому что я люблю тебя больше жизни”, но... Неделя с ним, и я в нокауте. Мы с ним общаемся, периодически встречаемся, на свидания иногда ходим, но это наш максимум.

— Даже так бывает?

— Я все жду, когда ему надоест и он другую женщину

найдет, но что-то не торопится.

— А ты...

— Я-то и в молодости с мужчинами тяжело сходилась, а сейчас и подавно. Я стала ленивая, — пожимает плечами. — Подозреваю, что в старости Гриша явится ко мне на порог, а у меня сил не будет его выгнать, и он останется. Вот точно. Этого и ждет.

— Он настолько упрямый? — изумляюсь я.

— Да, — Дина смеется.

— Ты сама ждешь старость, —заговорщически шепчу я, — и того, что к вам заявится трезвый, вредный старик, который смог сдержать слово.

— Возможно. И тогда тоже буду злой и недовольной бабкой. Мы с ним сравниваемся.

— Я не знаю, что сказать, — медленно моргаю я.

Через пятнадцать минут мы неспешным шагом идем по тротуару. Я периодически кидаю на молчаливую Дину взгляды, выискивая в ней сожаление, печаль, а она умиротворенная и улыбчивая.

— А вдруг ты из-за вашего Гриши упускаешь принца? — похрустываю чипсами со вкусом краба.

Давно их не ела, потому что вредно, но Дина убедила, что от одной маленькой пачки со мной и молоком ничего не случится, поэтому я наслаждаюсь своим глупым озорством и растягиваю удовольствие.

— Да я тебя умоляю, — отмахивается. — Принцев не бы-

вает.

— Ты очень категоричная.

— Отнюдь. Я очень понимающая женщина. Понимаю, что каждый человек может дурить. И меня сейчас устраивает, как я живу.

— Правда? С редкими свиданиями?

— Я получила свой фейерверк романтики, безумия и страсти, — косит на меня взгляд. — И никто из мужчин не переплюнет в этом плане Гришу. Все они будут пресными и неинтересными, а вновь кидаться на шею талантливого чокнутого художника я не стану, потому что история повторится.

Мы сворачиваем на улицу, что ведет к дому, который перестал быть моей уютной крепостью. Я не хочу возвращаться в дорогое пафосное логово, где меня и сына поджидает Макар.

Я замедляю шаг, а затем и вовсе останавливаюсь, потому что на противоположной стороне дороги от наших ворот паркуется белый хетчбэк, а затем из него выскакивает блондинка, которая решительно шагает к нашему с Макаром “семейному гнездышку”. Светлые брюки, легкая блузка и небрежный пучок на голове. Останавливается у высокой глухой калитки, прикладывает телефон к уху и нервно переминается с ноги на ногу.

Видимо, абонент не отвечает, потому что она кривит губы, раздраженно прячет телефон в карман брюк, а затем со

злостью пинает калитку. Сжимает кулаки, решает позвонить в домофон и опять накидывается на калитку в ярости. Ветер доносит ее крики:

— Макар! Макар!

Последнюю “а” она особенно громко тянет. Мы переглядываемся с Диной, которая задает вопрос:

— Кто бы это мог быть?

Тут-то незваная гостья замечает нас. Я достаю из пачки последнюю чипсинку и медленно отправляю ее в рот.

Хрум-хрум. Блондинка хмурится. Хрум-хрум. Красивая такая, ухоженная, строгая. Черты лица четкие, правильные и губы пухлые. Лет тридцать пять, но те тридцать пять, которым можно и тридцать дать.

— Смею предположить, — сминаю пачку из-под чипсов, — к нам пожаловала Елена.

Дина в ожидании объяснений приподнимает бровь, и я едва слышно добавляю:

— Любовница моего мужа.

Глава 25. Провокации

— Что делать будем? — спрашивает Дина, и Артем в коляске сладко причмокивает.

Спит, и в его жизни еще не существует тетки, с которой его отец шашни крутит. Удивляюсь прежде всего ее наглости, а уже потом только паникую.

— Я думала, что ты скажешь, что мы буде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.